

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КРУГЛЫЙ СТОЛ “Реструктуризация личности в нестабильном обществе: изменение жизненных миров, разрушение идентичностей, маргинализация”

16 июня 2000 года, Киев, Институт социологии НАН Украины

Abstract

On June 16, 2000, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine organized and conducted round table “The Restructuration of Personality in Unstable Society: Changing of Living Worlds, Destruction of Identities, Marginalisation” where leading Ukrainian sociologists discussed current situation and trends of Ukrainian society concerning the problem of changing the personal social practics, particularly, the question of marginalisation in unstable social conditions.

Вступительное слово

Уважаемые коллеги!

В работе нашего круглого стола любезно согласились принять участие представители нескольких научно-исследовательских организаций: кроме сотрудников Института социологии НАН Украины здесь присутствуют преподаватели факультета социологии и психологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Института психологии АПН, Института социальных исследований, Института этнологии, фольклористики и искусствоведения им. М.Рыльского, Харьковского государственного университета.

Задача, которую ставят организаторы круглого стола, состоит в том, чтобы профессионально обсудить темы, обозначенные в его названии, выдвинуть новые идеи, провести квалифицированную дискуссию, углубить теоретическое понимание изучаемых явлений.

Вряд ли кто-то станет отрицать тот факт, что общество переживает особый социальный период, обобщенно называемый трансформацией, переходным этапом и т.п. Общество пребывает в состоянии интенсивных изменений, причем речь идет, прежде всего, о базовых изменениях. Ревизии подвергнуты фундаментальные ценности: мировоззренческие, культурные, духовные, политические, идеологические, моральные и другие. Одновременно общество вошло в полосу затяжного социально-экономического кризиса, проявляющегося для большинства людей в том, что жизненная ситуация для них также является кризисной и превратилась в ситуацию выживания. Главной задачей, которую повседневно решает личность, является задача, как выжить, как обеспечить хотя бы самое элементарное качество жизни для детей, семьи. В рамках социологии мы больше внимания уделяем вопросам, связанным с трансформацией социальной структуры, с изменениями в больших социальных группах, анализируем макросоциальные процессы, изучаем явления,

происходящие в малых группах. На сегодняшнем круглом столе мы предлагаем в центр внимания поставить личность и посмотреть, что с ней происходит в этих обстоятельствах? Причем более детально обсудить те проблемы, которые касаются внутреннего мира, сферы сознания, а не внешне фиксируемого поведения человека. Процесс выживания подразумевает не только воспроизводство физической жизни человека, но и воспроизводство личности в ее духовно-психических параметрах, воспроизводство собственной самоопределенности. Последний аспект для человека не менее важен, чем первый, да и вообще их бессмысленно противопоставлять. Их можно разводить лишь в теоретическом плане.

Вот и сегодня мы предлагаем сосредоточиться на обсуждении проблем воспроизводства и производства внутреннего мира личности в нынешних условиях, проблем изменений в ее внутреннем пространстве. Поэтому и в название круглого стола вынесли тему реструктуризации сознания личности. Может возникнуть вопрос, почему предложено латинизированное слово “реструктуризация”, а не “изменение”, “перестройка”. Во-первых, потому, что мы хотели подчеркнуть особый тип изменений в личностном сознании, происходящий именно сейчас, поскольку вообще изменения сознания личности происходят всегда. Здесь же предлагается обсудить изменения в личностном сознании, характерные для условий длительной социальной неустойчивости, размытости общественных целей, расшатанности социальных норм и ведущие к изменению идентичности личности, к изменению композиции, конфигурации элементов личности, образующих ее ядро. Нам следует поставить в центр дискуссии такие преобразования элементов личностного сознания, которые означают смену базовых ценностей — мировоззрения, смысложизненных установок, политических и идеологических ориентаций, нравственных норм. В результате этих преобразований меняется мироотношение личности, выстраивается новая картина мира.

Таким образом, посредством слова “реструктуризация” мы пытаемся привлечь внимание не просто к изменениям, а к качественным изменениям в личностном сознании. Что же касается слова “перестройка”, то от него мы отказались по той причине, что в последние годы оно приобрело особый политический и политологический оттенок, связанный с обозначением известного периода в нашей отечественной истории.

Чтобы понять структурные изменения в личностном сознании, следует проанализировать логическую цепь:

- а) какие кардинальные изменения происходят в обществе, в системе его отношений, особенно в той их части, в которую непосредственно вовлечена личность;
- б) какие вызовы бросает общество личности;
- в) какие процессы происходят в личностном сознании в этой ситуации.

Характеризуя системные изменения в обществе, мы сегодня воспользуемся результатами исследований в этом направлении — как своими собственными, так и наших коллег — политологов, экономистов, психологов, правоведов, этнологов. Их разработки не будут предметом наших споров. Мы их примем как данность, и они послужат для нас отправной точкой в дискуссии относительно того, какие сферы личностного сознания сейчас наиболее актуализированы и претерпевают кардинальные трансформации; каков результат этих трансформаций, если уже можно говорить о результате, а не только о процессе; на чем удерживается идентичность личности; в каких категориях и понятиях мы можем теоретически отразить эти процессы и явления?

Важно учесть влияние на личность таких масштабных социально-политических факторов, как распад Советского Союза, официально провозглашаемая государством смена мировоззренческих, политических, геополитических, идеологических ориентиров и одновременное признание мировоззренческого и политико-идео-

логического плюрализма, разгосударствление и смена форм собственности, динамичная во времени и резкая по статусам социальная поляризация, длительный социально-экономический кризис.

Как все это повлияло на уровни притязаний различных социальных групп и социальных типов личности? Каковы возможности реализации этих притязаний? Каковы самооценки собственной компетентности в разных сферах социальной жизни?

Какова структура жизненных мотиваций личности, какие типы ее мотиваций можно выделить? Какова динамика внешнего и внутреннего локуса контроля личности? В ком человек усматривает причины своих невзгод — в себе или в обществе?

Как происходит адаптация личности к социальным изменениям, к современной жизненной ситуации? В чем ее смысл? Каков ее результат? Какие появились способы адаптации личности к длительной неустойчивой ситуации? Может ли адаптация к неустойчивой ситуации быть полной? Или это своеобразная реакция на постоянно изменяющиеся условия? Но тогда возникает вопрос — а что происходит с ядром личности, которое предполагает существование устойчивых базовых ценностей и норм, других фундаментальных жизненных смыслов, стабильной жизненной среды? Какие конструктивные и неконструктивные способы социальной адаптации личности получили распространение в наше время?

Отсутствие условий для адаптации личности к изменениям ведет к раздвоенности, а то и плюрализации бытия личности. Неприятие человеком сегодняшних общественных реалий обуславливает фрагментированное восприятие собственной жизни — жизненный путь, жизненный мир личности расщепляется на две половины — “до того” и “после”. Это становится причиной распада личности на субличности. Потеря ценностных и нормативных опор ведет к аномии, маргинализации личности. Как различить маргинальную ситуацию, в которой оказалась личность, от маргинальной личности? Каковы пути выхода из маргинального состояния? Каковы механизмы смены личностью социальных идентитетов и референтных групп?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужны не только эмпирические исследования, но и разработка новых теоретических объяснительных схем. Социальная практика нуждается в научном объяснении и прогнозировании последствий эмпирически фиксируемых феноменов травмирования личностного сознания безуспешными, затянувшимися реформами. Синдром реформационного истощения выражается в социально-психологической усталости, проявляющейся в беспокойстве, раздражительности, агрессивности, тревожности, утомляемости, тоске, апатии, состоянии подавленности, депрессии, перерастающих во всплески подозрительности, беспричинной тревоги, гнева, ярости, в импульсивные разряды аффектов, в поиск врагов, виновников случившегося. В условиях резкого снижения жизненного уровня большей части населения у личности сформировалось ощущение покинутости, заброшенности властью, полного безразличия государства к ее судьбе. У нее проявляется трансференция — перенос аффекта на социальные организации, обвинение их во всех бедах. В общественном сознании получает распространение образ государства-грабителя (которое меня ограбило и сделало нищим), государства-противника (которое постоянно воспроизводит некие акции, направленные против меня — не выдает зарплату, пенсию, стипендию, повышает цены на коммунальные услуги, связь, электроэнергию, транспорт, хлеб и т.п.). А ведь субъектом, инициирующим такие ущемляющие интересы личности акты, зачастую бывает не само государство, а отдельные инстанции. Однако большая часть негативных эмоций со стороны рядовых граждан выплескивается именно на государство.

От социальной дезорганизации общество удерживается лишь благодаря наличию такого социально-психологического явления, как терпение, долготерпение и даже сверхтерпение. Какова его социокультурная природа? Запас или потенциал терпения основывается на представлениях людей о возможных условиях жизни, на

их жизненных притязаниях, на представлениях о возможных формах реакции на неудовлетворенность жизнью. Эти представления в значительной мере базируются на моделях соответствующего поведения, укорененных в данной культуре. В исторической памяти народа хранятся примеры долготерпения, но в ней же хранятся и образцы слепых от ярости и безысходности бунтов. Какие из этих образцов могут актуализироваться и при каких обстоятельствах?

Многие из вышеназванных проблем обусловлены столкновением достаточно солидного жизненного опыта личности с новой действительностью, противоречащей ему (что проявляется как некомпетентность личности в современных жизненных обстоятельствах). Это вызывает новые проблемы: ненужность опыта ставит под сомнение смысл жизни, по крайней мере, по отношению к прожитой жизни. Такое восприятие прошлого подрывает уверенность в необходимости выработки ориентаций на будущее. Личность утрачивает способность к взвешиванию альтернатив, к проработке будущего. Обстоятельства подводят ее к формуле: жить по принципу “здесь и сейчас”, не думать о будущем (своего рода компенсаторный психологический механизм, реакция на безысходность).

А что происходит с молодым поколением, которое входило в социальную жизнь в последнее десятилетие, то есть в период кардинальных изменений? Личный непосредственный опыт молодых не обременен прошлым. Их социализация, становление личностных качеств почти не расшифрованы наукой.

Но было бы неправильно все свое внимание сосредоточивать только на проявлениях негативных реакций на происходящее в обществе. Важно увидеть и показать и другие формы реакции, иные состояния личности. Ведь появились же какие-то компенсаторные механизмы и средства, позволяющие людям приспосабливаться к новым условиям и выживать, сохранять себя как индивидуальность, оставаться самими собою, пытаться видеть для себя в этих обстоятельствах цели и перспективы, находить в жизни новые смыслы и значения. Какова роль веры (не обязательно религиозной) в способности личности противостоять жизненным невзгодам? А что означает для личности в этих условиях умение совладать с собой?

Наивно предполагать, что на одном заседании круглого стола можно ответить на все поставленные вопросы, а тем более на те, что еще будут поставлены как выступающими, так и к выступающим. Поэтому положительным результатом будем считать не только предложенные ответы на поставленные вопросы, но и сами поставленные вопросы, особенно корректно, точно и профессионально сформулированные. Несомненно, эти вопросы станут важным стимулом для всех участников круглого стола в их исследовательской работе.

Николай Шульга

Социологический анализ идентичности

Сергей Макеев, доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины

Представление о том, что идентичность есть нечто, принадлежащее к сфере субъективной реальности (что бы ни понималось под “субъективной” реальностью), в социальной науке имеет едва ли не аксиоматический характер. После выполненных Джоном Тернером и Генри Теджфелом в Бристоле исследований принято различать персональную и коллективную идентичности. Причем под коллективной имеют в виду групповую, собственно социологическую идентичность: способность относить себя к общности и осознание принадлежности к ней. Но и в

этом случае подразумевается интернализированная идентичность, элемент субъективной реальности.

Между тем, собственно социологическая традиция извещает нас о несколько ином подходе. По Дюркгейму и Моссу (в работе “Примитивная классификация”) в сфере коллективных представлений бытуют формы классификации мира людей, представляющие собой все возможные матрицы классификации вещей. Сегодня мы сказали бы о них как о формах символических идентичностей. Питер Бергер и Томас Лукман, отнеся идентичность к сфере субъективного, *типы* идентичности, тем не менее, помещают вовне индивидов. Для них они являются неотменяемыми условиями распознавания, присвоения и понимания идентичностей как самими индивидами, так и внешними наблюдателями: типы должны быть в мире, иначе “идентичность остается непонятной”.

Если следовать “социологизму” в социологии, то следует признать, что идентичности являют собой интерсубъективный феномен. И не только в том смысле, что они не “в индивидах”, но “между” — между личностью и ее возможными партнерами по взаимодействию (другие личности, группа, организации, институты). Они интерсубъективны по происхождению, являясь интенциональным и в равной степени не планируемым результатом разнообразных социальных интеракций. Не подвергается сомнению и то, что идентичности являются продуктом как признания, так и непризнания (Ч.Тейлор) со стороны “значимых других” (Дж.Мид).

Пребывающие в этом интерсубъективном пространстве идентичности (пространстве “между” социальными акторами) по мере изменения общественно-исторической ситуации подвержены, разумеется, изменениям, они осуществляют здесь весьма сложные движения. Но в характеристике подобных изменений и движений вряд ли уместны аналогии, привлеченные из области случающегося с материальными вещами, типа “разрушение” или “распад”. Социально-культурные образования, к которым, безусловно, принадлежат идентичности, ничему такому не подвержены. То, что с ними происходит, в самом общем плане описывается парой оппозиций: “актуализация — деактуализация”, “легитимация — делегитимация”.

Иначе говоря, идентичности то выдвигаются на авансцену социальных интеракций (актуализируются, обретают легитимность), то отходят на дальнюю периферию взаимодействий между различными субъектами (деактуализируются, утрачивают легитимность), обслуживая, тем не менее, определенные анклавы отношений между индивидами и группами индивидов: имеет место циркуляция идентичностей в социуме. Метафора актуального и виртуального пространств столь же неудовлетворительно, как и “разрушение”, описывает подобную мобильность идентичностей. Быть может, следует говорить о маргинализации, отнюдь, впрочем, не радикальной, идентичностей. “Раб” вовсе не виртуальная идентичность — в этом легко убедиться, узнавая о фактах торговли женщинами (страны СНГ) или торговли людьми в Чечне. Идентичности “козак” (в Украине) и “казак” (в России) актуализированы и легитимизированы (демаргинализированы), поскольку обрели наглядную фактичность и оформились в движения и организации.

Идентичности, следовательно, предшествуют конкретному индивиду, они ему предложены для присвоения и последующего воспроизводства в процессе взаимодействия с разнообразными социальными партнерами. Они одновременно являются полномочными представителями той реальности, что признана интерсубъективно значимой. На такую значимую реальность индивиды преимущественно ориентированы, именно ее они инкорпорируют в процессе социализации, становясь носителями некоего конечного множества идентичностей. И только контекст взаимодействия определит, какая из идентичностей будет предъясняться в качестве элемента управления впечатлением о себе (Гоффман), элемента, подвергаемого во взаимодействии заметным модификациям в зависимости от развития ситуации.

Взаимодействие между социальными акторами, в котором идентичности не просто предъявляются, но уточняются, оспариваются, модифицируются, а также вводятся впервые, и находится в фокусе внимания социолога. Твердые и незыблемые идентичности имеют косвенное отношение к миру, именуемому современным. В последнем нормой являются идентичности, в весьма сжатые сроки настигаемые проблематизацией (актуализацией — деактуализацией); и чрезвычайно высока вероятность появления новых идентичностей, делегитимация одних конвенций относительно идентичности и утверждения других.

Нечто подобное наблюдаемо и в трансформирующемся, или же кризисном, обществе. Тут резко расширяется сфера неподтверждаемых и неприсваиваемых идентичностей (в Украине не подтверждаются многие профессиональные идентичности, гражданская идентичность; не присваивается идентичность, основанная на предпринимательской деятельности). Одновременно весьма массово, во-первых, начинают предъявляться отдельные негативные идентичности: например, фиксируемая социологическими опросами самоидентификация респондентами себя в качестве “бедных”. Во-вторых, увеличивается количество латентных, не предъявляемых идентичностей: “вознаграждаемые профессиональные идентичности” в теневой экономике не предъявляются ни в социологических опросах (о подработках сообщает незначительный процент опрошенных), ни в налоговой инспекции.

И в кризисном социуме, конечно же, разворачиваются дискуссии об идентичности. Причем обе стороны сохраняют небезразличие к конечному определению идентичности, поскольку для них как защищенная и признанная идентичность, так и навязанная и предписанная всегда выступают основанием последующего действия, основанием выработки тактики и стратегии отношения к партнеру по взаимодействию (это справедливо и для социолога, расспрашивающего респондента о его групповой, классовой и прочих идентичностях). Кризис же проявляет себя в том, что стороны все реже достигают согласия относительно определений идентичности, замыкаясь в собственных классификациях. Причиной такого разворачивания событий оказывается глубокий дефицит ресурсов и возможностей подтверждения и присвоения позитивных идентичностей. Идентичность повседневных взаимодействий (чаще всего латентная) уже очевидно не совпадает с публично предписанной, а их противопоставление широко используется и рядовыми гражданами и средствами массовой коммуникации (парламентариев называют бездельниками; работников государственных предприятий — бюджетниками, что отчетливо прочитывается как “иждивенцы”; чиновников — коррупционерами).

Намерения участников дискурса об идентичности подлежат экспликации. Можно допустить, что в этом дискурсе стороны достаточно компетентны, то есть отдают отчет в том, с какой целью и каким образом наиболее эффективно конкурировать за определения идентичности. Но в такой экспликации состоит лишь одна из задач социолога. Не менее настоятельной является и другая: взаимодействие сторон по поводу идентичности помимо намеренных имеет и ненамеренные результаты (ненамеренные идентичности), которые и подлежат установлению.

Кроме того, воля к определению идентичности в любом обществе, а тем более в кризисном, весьма ограничена. З.Бауман, уточняя знаменитую формулировку У.Томаса и следуя в этом П.Бергеру и Т.Лукману, говорит, что определения ситуации обладают потенциалом самоосуществления. То же самое приложимо к идентичности. Социальные институты весьма осторожны в идентификациях, ведь признать бедной категорию людей с доходом ниже определенной черты, значит принять обязательства по предоставлению им материальной помощи, льгот, развернуть работу целевых служб, то есть предпринять весьма масштабные действия. Идентичности, в особенности публично вынесенные негативные, весьма небезопасны, поскольку требуют вложения ресурсов и практических дел. Потому запаздывание с идентификацией со стороны институтов и организаций всегда присуще кризисному обществу.

Проблема самоопределения личности в координатах кризисного социума

Елена Злобина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Если обратиться к современным социологическим теориям, например к трансформационной модели социального действия Р.Бхагскара, теории структуризации Э.Гидденса или морфогенетичному подходу М.Арчер, увидим, что *агентами* социальной практики выступают люди, воссоздающие или изменяющие общество. Согласно Р.Бхагскару, социальная практика вообще является *реструктуриацией* социума. Однако непосредственно субъектами эта реструктуриация не осознается как таковая, она рождается в результате сложного переплетения миллионов отдельных практик, в ходе которых люди создают не общество, а свою жизнь. Как справедливо замечает М.Арчер в работе “Реализм и морфогенез”, структура сохраняется не благодаря намерениям людей и не вследствие интенциональности их действий тут и теперь. Она не зависит от *адекватного* понимания, тем не менее весьма существенно зависит от понимания *неадекватного*. К тому же, структурам свойственна только относительная продолжительность, тогда как деятельность непрерывна. Поэтому, по мнению Арчер, “нынешнее общество является продуктом людей, живущих в данное время, не более, чем будущее общество будет продуктом деятельности наших наследников”. Это утверждение, совершенно справедливое на уровне метатеории, не всегда справедливо в конкретной точке исторической перспективы. Такой подход делает невозможным представление протекания процессов в обществах, находящихся на “рубеже эпох”, когда новое общество рождается буквально “на глазах” современников.

В кризисном обществе, то есть в момент коренной перестройки социальных структур, ситуация реструктуриации приобретает для людей личностный характер. Они осознают, что непосредственно вовлечены в процесс преобразований. В этом — одновременно и преимущества, и опасность. Если осознание преобразований в обществе приобретает неадекватный характер, социальные структуры угрожают не обновлению, а распаду. Вместе с тем, в результате сознательного поворота социальных практик в сторону преобразований происходит актуализация скрытого потенциала, хранящегося в культуре, но не задействованного ранее. Для современной Украины, например, подобная направленность социальной активности на “развитие государства” наблюдается в той части общества, которая исповедует “национальную идею”.

Итак, в кризисном обществе одновременно наблюдаются два процесса: реструктуриация социума и реструктуриация картины этого социума в сознании людей. Последнее совершается благодаря формированию новых смыслов вследствие переосмысления реальности. Нам представляется правильным мнение А.Ахиезера о том, что осознание *осмысления* как *переосмысления* можно рассматривать как важнейший ответ на усложнение человеческой реальности. При этом акцент перемещается с экстраполяции на интерпретацию: вместо перенесения старых смыслов на новые явления имеет место использование старых смыслов для создания необходимых новых смыслов. Обратившись к идее М.Бахтина о возникновении смысла между смыслами, А.Ахиезер предлагает понимание человеческой реальности как сферы “МЕЖДУ”. То есть между личностными мирами на грани субкультур происходит фрагментация культуры как целостного явления, отражающая разные “ракурсы” осмысления ее субъектами. Вне этих границ культура существует лишь как потенциальная, воплощенная в знаках, книгах, результатах человеческой деятель-

ности. И только субъект превращает ее в живую культуру, когда результаты осмысления становятся содержанием его деятельности.

Такой подход помогает понять роль субъектов в формировании социального пространства. Если обратиться к трактовке социального пространства П.Бурдьё, то агенты и группы агентов определяются по их *относительным позициям* в социальном пространстве. Причем эти обобщенные позиции отражают позиции агентов в различных субполях — экономическом, политическом, культурном. Таким образом, субъекты существуют в социальном пространстве, борются между собой за господство над этим пространством, однако они скорее присваивают, а не создают пространство как таковое. По нашему мнению, возможен и другой взгляд на роль субъектов в социальном пространстве. Они не только осваивают пространство, но и преобразуют потенциальное в реальное, именно в их взаимодействиях пространство “оживает”. При этом социальное пространство можно представить не как совокупность позиций агентов, а как систему взаимосвязанных жизненных миров.

При этом происходит следующее. Представим социальный мир в виде объективной и субъективной социальных реальностей, которые синхронно разворачиваются в социально-пространственном и социально-временном измерении. В объективной социальной реальности образуются и действуют различные составляющие социальной структуры: политические партии, экономические группы, национальные и культурные движения и т.п., а также осуществляются конкретные взаимодействия и взаимовлияния различных социальных субъектов. Субъективная социальная реальность — это такая сфера общественного сознания, в которой содержатся представления об этом мире: ценностно-нормативная система, социальные стереотипы и т.п. На пересечении этих пространств возникает жизненный мир личности, существующий одновременно как внешняя и как внутренняя реальность, то есть как пространство реальной жизнедеятельности индивида и как субъективная картина его жизненного мира.

Вследствие общественных трансформаций коренным образом изменяется прежде всего объективная социальная реальность, исчезают и появляются различные социальные организации, изменяется характер общественных взаимодействий и т.п. Соответственно реструктурируется и субъективная социальная реальность, разрушаются устоявшиеся нормы, переосмысливаются ранее непоколебимые ориентиры, происходит переоценка ценностей. Все эти процессы отражаются в индивидуальном сознании, которое, собственно, и представляет сферу “МЕЖДУ” не только в пространственном, но и во временном измерении, когда реструктуризация выступает как движение от прошлого к будущему. Именно “тут” и “теперь”, на уровне субъективной картины мира человека, формируются новые ориентиры, вырабатываются социальные представления о новом “желаемом” социальном мире, то есть происходит “переосмысление” реальности, которое служит почвой для новых социальных практик. В итоге стабилизируется как внутренний, так и внешний жизненный мир людей, а ориентиры, приобретающие массовое распространение, становятся системообразующими компонентами обновленной субъективной реальности общественного мира.

Личность выстраивает свой жизненный мир путем освоения определенной части социальной реальности, которую она осмысливает и переосмысливает. Ближайшее социальное пространство охватывает актуальную жизненную ситуацию субъекта, его конкретные действия или взаимодействия “тут” и “теперь”. Он постоянно перемещается в границах реального жизненного пространства, охватывающего освоенную субъектом часть социальной реальности. Это пространство повседневной жизни, в котором люди работают, отдыхают, воспитывают детей, общаются с друзьями и т.п. В этом пространстве разворачиваются их социальные практики, образующие определенным образом направленное поведение людей: экономическое, электоральное и др. Реальное жизненное пространство, в свою очередь,

находится внутри пространства потенциального, являющегося резервом для освоения, источником разнообразных культурных смыслов. Наконец, за пределами потенциального пространства разворачивается пространство глобальное, мир людей в целом, существующий как таковой, однако в реальности по ряду причин вообще не попадающий в поле мировосприятия конкретного человека.

Поскольку жизненный мир человека достаточно динамичен, пространственные границы постоянно изменяются под действием трех основных факторов: изменений, происходящих в социальном пространстве в целом, изменений, обусловленных сознательными или неосознанными действиями самого человека, и изменений, являющихся результатом “переосмысления” общей картины мира или же отдельных ее фрагментов. Реструктуризация картины мира в ходе общественных трансформаций ведет, в первую очередь, к обновлению реального жизненного пространства соответственно изменениям объективной социальной реальности. Вследствие этого изменяются координаты личного мира в социальном пространстве в целом. Данное изменение координат отражает как объективную социальную мобильность, то есть перераспределение субъектов между разными социальными группами и, соответственно, изменение их статусов и идентичностей, так и осмысление этих изменений людьми, их субъективные оценки новых позиций в обществе. Причем ухудшение социального положения большинства людей в результате общественных трансформаций оказалось для них фактом независимо от субъективных желаний, поэтому повлекло тотальный рост неудовлетворенности. Вместе с тем значительная масса людей старается восстановить утраченное и улучшить свои социальные позиции. Именно такое направление социальных практик способствует обновлению социальной реальности, то есть, определяя новые координаты своего жизненного мира, личность выступает реальным субъектом общественных трансформаций.

Маргинальность как кризис идентичности

Николай Шульга, доктор социологических наук, заведующий отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, президент Социологической ассоциации Украины

Одним из проявлений реструктуризации сознания личности в условиях нестабильного общества является ее маргинализация. В своем выступлении мы сосредоточим свое внимание на маргинальности личности как обратной стороне кризиса ее идентичности. Мы не будем здесь касаться многочисленных проблем, связанных с определением понятий “маргинал”, “маргинальность”, “маргинализация”. Отметим лишь, что в настоящее время эти понятия употребляются достаточно нестрого и расширительно. Этими терминами определяют внешне подобные социальные факты, но являющиеся нередко по своей сути совершенно разнопорядковыми. Скажем, как отличить маргинализацию личности от ее адаптации к новым условиям? Ведь если их не различать, то все мы постоянно находимся в состоянии маргинальности и, практически, всю жизнь являемся маргиналами. Но если так расширительно толковать понятие маргинальности, оно теряет свою специфику. А значит — и смысл. Впрочем, некоторые авторы именно так расширительно и используют это понятие. Скажем, В.М.Розин в своей статье “Мистические и эзотерические учения и практики в средствах массовой информации” пишет, что “соединение эзотерического отношения к жизни с неукорененностью или, как сегодня говорят социологи, “маргинальностью”, пожалуй, еще одна особенность российского менталитета. В России со второй половины XIX столетия всегда было много неукорененных

(оторвавшихся от своего сословия и культурной почвы) людей, но самое грустное, что неукоренен был и значительный слой образованного общества. Еще Гоголь писал о недообразованности и беспочвенности русского человека, о том, что нигде не видно настоящего гражданина. Декабристы, хотя и выказали образец гражданственности, но были и не с дворянством, и не с народом. А много позже, когда сформировалась, так сказать, чеховская интеллигенция, она также в значительной мере оказалась неукорененным слоем общества. Русский интеллигент до сих пор отчасти предпочитает жить в мире книг, идей, размышлений, духовной работы, где, конечно же, приятнее, чем в серой, а порой и страшной российской действительности. Социалистическая революция во сто крат усилила процесс маргинализации российского населения: миллионы крестьян переселились в города, миллионы горожан, проживающих до того в малых городах, переехали в большие; к тому же большевики зачеркнули традиции и ценности, которые складывались много веков, навязав народу искусственный социалистический образ жизни. Все это не могло не способствовать массовой и многомерной маргинализации российского населения". Действительно, события российской истории неоднократно выступали детерминантой маргинализации личностей, но было бы некоторым упрощением записывать в категорию маргиналов целые социальные группы, скажем, декабристов или интеллигенцию, по той лишь причине, что одни из них, находясь в одном социальном слое, заботились о другом, а вторым больше нравилось жить в виртуальном мире идей, чем в неустроенной повседневности.

Мы придерживаемся той точки зрения, что маргинальность — это прежде всего состояние личностного сознания, а не объективный показатель социального локуса, занимаемого личностью. В чем состоит специфика такого состояния личностного сознания, рассмотрим чуть ниже, прежде остановившись на определении понятия "идентичность личности". По отношению к последнему существует проблема, подобная проблеме определения маргинальности. Термин "идентичность", как и "маргинальность", в последние годы стал ходовым, популярным и не всегда строго употребляемым. По нашему мнению, понятие идентичности относится к самоопределению личности именно как целостности, а не к отдельным сферам ее личностного сознания, скажем, таких, как профессиональная, этническая, гражданская, социальная, классовая, территориальная и т.п. самоопределенность. Идентичность личности — это результат длительного процесса ее социокультурного формирования, который не осознается ею, и тем более не контролируется. Это, кстати, ставит под сомнение рассуждения о конструировании личностью своей идентичности. В таком контексте процесс формирования идентичности предполагается как волюнтаристский акт, свободное творение личностью самой себя. Это противоречит не столько демократическим условиям самореализации личности в обществе, и даже не социально-экономическим возможностям, сколько самой природе личностной психологии. Пожалуй, с этим можно согласиться лишь в том смысле, что современные технологии действительно предоставляют личности возможность творить собственные утопические жизненные миры в виртуальном пространстве. Однако это уже другая тема.

Для передачи определенного аспекта, среза личностной идентичности существует понятие "идентитет". Идентичность личности включает все ее идентитеты — и разнообразные их виды по сферам проявления и направленностям, и приоритетные, и менее значимые, и актуализированные, и "спящие" (или потенциальные). Поэтому можно говорить о неповторимой индивидуальной структуре идентитетов, присущей каждой отдельной личности. Эта неповторимая композиция идентитетов и есть идентичность личности, а ее осознание есть самоидентичность личности.

Идентичность как композиция идентитетов претерпевает серьезные изменения в периоды масштабных и глубинных социальных трансформаций. Отдельные идентитеты личности передвигаются на периферию сознания, а некоторые из тех, что

были на периферии сознания, актуализируются и передвигаются в его центр, становятся его самыми актуализированными элементами. Например, еще пятнадцать лет назад для подавляющего большинства людей идентификация со своим рабочим коллективом воспринималась в том смысле, что это было не только место, где человек зарабатывал средства на жизнь, но и место, где находились его друзья, это было место самореализации и самоутверждения личности — как в профессиональном, так и в социально-психологическом, нравственном аспектах. Через рабочее место человек самореализовывал себя в обществе. По этому поводу можно сколько угодно иронизировать, но для большинства людей рабочее место представляло нечто большее, нежели место приложения труда. Теперь рабочее место, даже если оно и есть у человека, потеряло для него прежний смысл, оно приобрело более частный статус. Изменилась вся структура общественных отношений (не только производственных, но и политических, идеологических, имущественных). Сейчас мало кого интересует, какие идеи может высказать работник по поводу производственного процесса. Даже если это и заинтересует хозяина или руководителя государственного предприятия, то данное личностное проявление останется частным делом и не станет событием в коллективе, а тем более — в широком социальном пространстве. Трудовой коллектив как социально-психологическая группа изменился качественно, теперь он имеет совершенно иной социальный смысл, функции и цели. Естественно, идентификация личности с коллективом, то есть данный, конкретный ее идентитет, тоже приобретает другой смысл в структуре личности.

Маргинализация личности — это всегда отрыв, отход ее от какого-то социального локуса — статуса, позиции, норм, ценностей, стиля жизни. Необходимо различать две особенности процесса маргинализации: процесс смены идентичностей личности под влиянием ее внутреннего развития в условиях стабильного общества и смену идентичностей личности, обусловленную динамикой внешних по отношению к личности социальных изменений. Первый случай — это добровольный выход из норм поведения, намеренное изменение стиля жизни, выход из этих определенностей как собственный выбор личности, и второй случай — принудительное выталкивание личности объективными обстоятельствами за пределы ее социального статуса, принятых ею норм поведения, стиля жизни. В первом случае личность готовится к выходу, ставит собственную цель выхода за пределы норм и выходит из них, получая душевное успокоение, удовлетворение от достижения желаемого, то есть это становится ее новой личной нормой. Смена идентитетов через планирование жизненных целей, достижение статусов создает психологическую готовность к принятию новых ролей и социальных позиций.

Во втором случае выталкивание происходит принудительно. Здесь психологическое состояние личности приобретает совсем иной характер, чем в первом случае. В этом случае личность воспринимает и переживает происходящее с ней как навальнившиеся на нее несчастья, невзгоды. Здесь внешние перемены врываются в жизненный мир личности неожиданно, нежеланно.

Самые массовые процессы маргинализации происходят тогда, когда разрушается социальный порядок, когда общество кардинально меняет принципы своего устройства в целом (революция) либо происходят кардинальные преобразования отдельных его сфер: религиозной — массовая смена веры (например, принятие христианства на Руси); политической — смена политического строя общества и соответственно смена общественно-политических ценностей; культурно-цивилизационной — захват страны чужеземцами и насаждение другой культуры, веры, языка и т.п. Такие изменения воспринимаются личностью как грандиозное несчастье, как выпавшее на ее долю испытание, как давление, насилие. Она вынуждена принимать эти изменения как данность, как судьбу.

Изменения в постсоветских трансформирующихся обществах, в том числе и в Украине, сопровождаются массовым обнищанием, растущей безработицей, резкой

социальной поляризацией населения по уровню доходов, моральной деградацией, деформацией многих общественных институтов. Ранее существовавшая система социальной стратификации расшатывается, смягчается, размывается. Очертания социальных групп теряют ясность и определенность, человеку трудно определиться со своим общественным положением. Социально-оценочные критерии теряют былую определенность, ранее принятые нормы и представления подвергаются тотальному пересмотру. Личность лишается важнейших опор и ориентиров для своего социального поведения. Ее положение в обществе становится неустойчивым. Ее прежние идентитеты начинают “давать сбой”. Попытки инерционного воспроизводства прежнего стиля жизни пробуковывают, проваливаются. Личность лишается множества средств (как объективных, так и субъективных) для воспроизводства собственной идентичности.

Кризис и разрушение идентитетов личности представляет собой сложный и болезненный для личности процесс. Иногда он может достигать такого драматизма, когда самой личности начинает казаться, что она разрушается как данность, как самость. Это означает, что она находится в состоянии идентификационного кризиса. Осознание личностью того, что какой-либо ее идентитет находится в кризисном состоянии или уже разрушен, происходит тогда, когда она наталкивается на проблему своей неопределенности в социальном пространстве, в системе своих социальных отношений. Перед личностью возникают огромные трудности обретения нового идентитета. Неадаптированная к происходящим с ней кардинальным изменениям личность превращается в маргинала.

Особенно тяжело переносят свою ненужность обществу люди образованные и талантливые — инженерно-технические работники, работники сферы культуры, образования, науки. В прежние годы в обществе существовал авторитет их профессий, а лица творческих профессий воспринимались в общественном сознании через устойчивый стереотип престижности, необычности их возвышенных занятий. В СМИ этих людей наделяли высокими социальными оценками, к ним относились с глубоким уважением. Теперь многие из них без работы, а те, кто работает, получают такую мизерную зарплату, что сами добровольно уезжают из страны. Придавленные жизненными проблемами, они соглашаются на любую работу за рубежом.

Не лучше психологическое состояние и у тех, кто остался на родине. Скажем, недавняя певица государственной филармонии прочно заняла место “вокалистки” в подземном переходе на Крещатике. “Выступая” там ежедневно, она вряд ли ощущает себя той прежней любимицей публики, которая самоутверждалась, реализовывала себя в престижных концертных залах. Потеряв работу, она теряет и себя, свою идентичность, начинает маргинализироваться.

Если у человека существует устойчивая дисгармония между объективным статусом и самооценкой, социальной позицией и притязаниями, образовательно-профессиональным потенциалом и родом занятий, то он находится в маргинальном состоянии. Такая личность постоянно ощущает состояние своей транзитности, неопределенности. Это состояние между прошлым и будущим, это неудовлетворенность нынешним статусом. Иногда это состояние включает в себя построение планов на будущее, основанных на надежде и вере на возврат в старый статус или на достижение нового, приемлемого из возможных в данной ситуации статусов. В подобном положении неопределенности, или маргинальности, личность может находиться достаточно долго. Кстати, проблема маргинальности в координатах личностного времени изучена недостаточно. Когда заканчивается состояние маргинальности? Каковы признаки завершения этого состояния? Что происходит с личностью, с ее сознанием, внутренним миром, если состояние маргинальности затягивается?

По нашему мнению, маргинальная ситуация для личности наступает тогда, когда она под влиянием различных причин адаптируется к своему статусу, принимает свои социальные роли, когда у нее происходит ролевое поглощение, когда

личность вырабатывает свой стиль жизни в данных жизненных обстоятельствах. Причем не важно, о каком статусе и о каких ролях идет речь. Ролевое поглощение может произойти и у вчерашнего сотрудника проектного института, ставшего лоточником, и у того, кто выпал из социальных ниш и признался себе, что он теперь нищий и его удел — сидеть с протянутой рукой.

Этот вывод показывает, что неверно отождествлять понятия маргиналов и люмпенов, андеркласса. В маргинальном состоянии может оказаться выходец из любого социального слоя. В то же время представители социального дна не обязательно маргиналы. Маргиналом является лишь та личность, которая переживает кризис идентичности.

Вопрос. Маргинальность — это оценочный феномен. Как вы считаете, можно ли говорить о маргинальности с позиции личности, группы и социума в целом?

Ответ. Да, действительно, явление маргинальности — это такой феномен, смысл которого состоит в соотношении с нормативностью. Выход за рамки нормы (или, согласно первоначальному смыслу слова, — на маргинес, на поле, на край,) и означает маргинальность. А вот сама норма всегда связана с социокультурным пространством и временем, в котором она возникла. Поэтому то, что вчера было отклонением от нормы, сегодня может стать нормой. А вчерашнее нормативное сегодня будет выглядеть маргинальным. Возьмите, например, христианство. Раннее христианство было маргинальностью по отношению к нормам, верованиям римского общества, а позже — по отношению к верованиям восточных славян. Сегодня же поклонение восточнославянским идолам выглядит как маргинальность.

Маргинализация в переходном обществе. Связь с социальным успехом

*Любовь Бевзенко, кандидат социологических наук, докторант
Института социологии НАН Украины*

Темой моего выступления будет процесс маргинализации и его связь с социальной неуспешностью. Но прежде чем начать обсуждение этого вопроса, я бы хотела в нескольких словах коснуться проблемы методологического плана, связанной с самими понятиями маргинальности и маргинализации и теми разночтениями, которые возникают при их употреблении.

Мне кажется, что избежать неопределенности в осмыслении маргинальности и процессов маргинализации позволит разведение чисто социологического и социально-психологического аспектов их рассмотрения.

В таком случае, исходя из этимологии слова “маргинал” как пребывающий на краю, под социальной маргинальностью мы будем понимать пребывание в социальных слоях, которые могут быть отнесены к социальной окраине. Понятие маргинальности в этом случае может коррелировать с представлениями о “социальном дне”, “социальных низах”.

В случае социально-психологического подхода в фокусе внимания мы будем иметь прежде всего личностное пространство норм, ценностей, социальных смыслов и представлений. То есть, маргинальность правильнее понимать в том смысле, который вкладывал в нее Парк, вводя это понятие, — пребывание на грани двух нормативных, ценностных, смысловых миров.

Одним из понятий, позволяющих выстроить отношения между двумя таким образом определенными типами маргинальности, может быть понятие социальной неуспешности (или социального успеха).

В случае социальной маргинальности можно сказать, что процесс маргинализации, его направление скорее всего совпадают с вектором нисходящей социальной мобильности, ведущей в сторону, противоположную позициям, отмеченным социальной успешностью. И элитные социальные слои будут определенным антиподом слоям маргинальным.

В случае же социально-психологической маргинальности ситуация выглядит не так однозначно, и здесь к маргиналам может быть отнесен тот, кто объективно принадлежит к достаточно благополучному слою. И говорить нужно скорее о восходящей мобильности, стремлении к социальному успеху, движению *от* социальной маргинальности. Но нередко, избежав маргинальности социальной, человек попадает в ситуацию, обозначаемую вторым из введенной пары понятий — в ситуацию маргинальности психологической. Главным критерием в этом случае будет уже не объективно фиксируемая успешность или неуспешность (по некоторым социально усредненным представлениям), а конфликтность личностного смыслового пространства, характеризующегося неоднозначностью многих смысловых кодов, в том числе и неоднозначностью понимания успеха.

Именно эта внутренняя конфликтность становится источником характерных для маргинальной личности установок по отношению к социальному окружению, отмеченных чувством одиночества, отчужденности, агрессивности, тревожности.

Следует сказать, что понятия социальной и социально-психологической маргинальности указывают на разные феномены, причем объекты соответствующих исследований далеко не всегда совпадают. Можно быть социальным маргиналом, но не иметь признаков маргинальности социально-психологической. (Яркий пример тому — цыгане. Хотя мы с достаточным основанием можем относить их к группе, занимающей социально маргинальные позиции, зачастую признаков социально-психологической маргинальности у представителей этой группы не наблюдается.) Но возможна и обратная ситуация — достаточно преуспевающий в социальном плане человек, принадлежащий отнюдь не к нижним слоям в социальной иерархии, при внимательном рассмотрении оказывается носителем психологических черт, сопутствующих маргинальности социально-психологической.

Мне хотелось бы чуть больше внимания уделить второму типу маргинальности, тем более что под этот критерий подпадает, с моей точки зрения, значительное число наших сограждан.

Почвой для социально-психологической маргинализации не в последнюю очередь является та подвижность и хаотичность нашего современного культурного пространства, которая сопутствует хаотичности политических и экономических процессов.

И здесь нет необходимости в детальном анализе наших социокультурных реалий. Достаточно рассмотреть социально-психологические феномены, возникающие на линии встречи нашей прежней культурной ситуации с теми культурными потоками, которые сопутствуют капитализации экономики и приходят к нам вместе с “духом капитализма”. В плане значительного смыслового расхождения этих двух систем мироосмысления я хочу обратить внимание на разницу в понимании успеха, задаваемую этими двумя культурными установками.

Многими авторами не раз отмечалось, что культура, в которой мы длительное время пребывали, по многим параметрам была традиционной культурой, хотя и с некоторым “коммунистическим коэффициентом”. Основным признаком традиционной культуры является наличие сакрального измерения в системе ее мироописаний. Мне кажется, что наша советская культура считалась атеистической по недоразумению. Она не была христианской, монотеистической, но она была политеистической и

в некотором смысле — языческой. На пьедестал сакральных объектов возносились такие, в общем-то, светские элементы, как труд, партия, наука. Высказывания типа “алтарь науки”, “служение партии”, “праздник труда” — немногие тому подтверждения. А потому и понимание успеха в рамках той культуры во многом определялось этими сакральными объектами. Один из моих знакомых рассказывал, как в бытность его студентом философского факультета в коридоре к ним с женой подошел кто-то из преподавателей и, обращаясь к его жене, воскликнул: “Как Вы могли выйти за него замуж, ведь он не знает “Капитала” Маркса!”. И это вовсе не смешно. Для того времени это было действительно правильно с точки зрения прогноза социальной успешности молодого мужа. Он, студент-философ, без знания Маркса вряд ли мог рассчитывать на социальный успех. Другими признаками характерного для того времени понимания успеха следует считать слабую его связь с деньгами, богатством, а также предпочтение успеха коллективного успеху индивидуальному. При всей вариативности существовавших представлений основных параметры понимания успеха были тогда именно такими.

Активно экспансирующая в наше культурное пространство культура модерна, по крайней мере в бытующем на данный момент варианте, в части понимания успеха дает во многом противоположные критерии. Основной мерой успешности жизни становится наличие денег, способность их заработать. Успех индивидуальный с безусловностью предпочитается успеху коллективному.

Я не хочу сопровождать эти констатации какими-то оценочными суждениями. Предметом моего интереса являются социально-психологические состояния, чувства и переживания того, кто оказывается на грани двух смысловых пространств. Выбор в пользу одного из них мог бы избавить человека от внутренней конфликтности и маргинальности, но сделать это не так просто. Подобный выбор не является чисто рациональным, он связан с ментальностью, психологической укорененностью и инерцией прежних смысловых рядов.

С моей точки зрения, в этом плане к маргинальным личностям в определенной мере может быть отнесено большинство внешне довольно благополучного населения страны. Социология такой маргинальности скорее всего будет связана с возрастом, поселенческими признаками, профессиональной принадлежностью. Наиболее уязвимыми здесь являются городские жители старше 30-ти лет, имеющие достаточно высокое образование. Хотя такое предположение требует эмпирической проверки, неспециальные наблюдения за многими людьми из моего окружения, резко изменившими в последнее время образ жизни и принявшими во внешних проявлениях ценности и смыслы новой культурной тенденции, показывают, что они далеки от психологического комфорта. Высказывания типа: “Я избежал нищеты, но не избежал одиночества” — довольно типичны, если беседа носит достаточно открытый характер. (На социологическом языке мы бы назвали это глубинным интервью.) Можно с достаточным основанием говорить о ситуации удаления от маргинальности социальной, но приближения к маргинальности социально-психологической.

Возвращаясь к разведению социальной и социально-психологической маргинальности, замечу, что на первый взгляд социальная маргинализация представляется более опасным социальным явлением и более актуальной проблемой. Но это в том случае, когда мы исходим скорее из озабоченности правами человека, соображениями гуманизма. Существующая традиция связывать это явление с проблемой социальной напряженности представляется мне необоснованной. По крайней мере, при выстраивании прямой связи. Эти социальные слои могут стать социальной базой для разного рода проявлений напряженности, однако они ее не инициируют. История знает, что революции не делали божжи и нищие. Чаще всего различные движения социального протеста, приводившие к революционным изменениям,

инициировали и стимулировали как раз представители разночинцев — по сути своей маргиналы в социально-психологическом понимании этого слова.

Вопрос. Как Вы считаете, где проявляется маргинальность, является ли она частью интересубъективного пространства?

Ответ. Я не могу сказать, что достаточно хорошо владею понятием интересубъективности. Если иметь в виду ту часть личностной структуры, которая связана с наличием Другого, общением и коммуникацией, то, думаю, — это так. Если бы человек не пребывал в социальной среде, постоянно не соотносил себя с другими, ни о маргинальности, ни об идентичности мы бы не говорили.

Этнокультурная маргинальность в Украине: исторические корни, факторы и тенденции

Татьяна Рудницкая, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра этносоциологических исследований Института социологии НАН Украины

Почти десятилетний период становления украинского государства, во время которого удалось избежать острых межэтнических конфликтов, в настоящее время омрачается как недавними львовскими событиями, так и попытками административного регулирования в сфере языка и культуры.

Форсированная дерусификация вызывает противоречивую оценку не только у русского населения Украины. В ситуации бикультурализма, который в силу конкретных исторических обстоятельств стал реальностью социальной и повседневной жизни в большинстве регионов Украины, усиление давления в этнокультурной и языковой сферах ведет к возрастанию психологической напряженности, способствует расширению культурной и языковой маргинализации больших групп украинского социума. Причем эта маргинализация затрагивает не только этнические меньшинства, но и значительную часть представителей титульного этноса — русскоязычных украинцев.

Следует учитывать, что, по данным последней переписи, 4,5 млн. украинцев (а это 12,2% всего украинского населения) назвали родным языком русский. В настоящее время по оценкам специалистов к русскоязычным причисляет себя 8–9% участвующих в опросах украинцев. В действительности их доля достигает 30–35%. Такая разница, скорее всего, отражает маргинальное состояние этой группы “обрусевшего” украинского населения, в сознании которого происходит конфликт между должным (идеальным) и вынужденным (реальным) языковым поведением.

Явление этнокультурной маргинальности в современном мире под влиянием целенаправленной культурной экспансии, массовых миграций, а также изменения геополитической карты мира приобретает все большее распространение. Под этнокультурной маргинальностью подразумевается такое состояние человека, при котором его личность одновременно пребывает в двух или более этнокультурных измерениях.

Этнокультурная маргинальность рассматривается как феномен, проявляющийся на двух основных уровнях; при этом каждому из уровней соответствуют определенная форма проявления этнокультурной маргинальности и определенные особенности ее влияния на межэтнические установки. Первый уровень этнокультурной маргинальности характеризуется наличием объективной двойственности внешних атрибутов этнокультуры (языка, традиций, стереотипов поведения и т. д.) и не сопровождается субъективным ощущением кризиса этнической идентичности.

Второй уровень проявляется в разнообразных формах психологической раздвоенности, признаком которой является наличие субъективного переживания противоречия этнокультурной принадлежности.

Маргинальность имеет различные причины: человек может происходить из этнически смешанной семьи (а таких в Украине каждый год образуется 27–30% от всех заключенных браков) или же семья проживает в чужом этническом окружении. В этом случае состояние маргинальности сопровождает человека с момента его рождения. В ином случае приобретение маргинального статуса связано с изменением жизненной ситуации: миграцией в иноэтническую среду или коренной трансформацией политических, социальных и культурных условий жизни человека. Такие процессы сопровождаются, как правило, изменением личностных ориентаций в этнокультурной и языковой сферах, определенной реструктуризацией сознания.

В исследовании этнокультурной маргинальности выделяют два основных направления — изучение ее проявлений на уровне индивидуального этнического сознания и на уровне группового сознания.

Исследования маргинальности как социально-психологического явления на уровне индивидуального сознания наиболее полно отражены в работах западных психологов Э.Стоунквиста, Дж.Берри, К.Меркадо и др. Эти исследования показывают, что условием маргинальности обычно является состояние внутреннего конфликта. Так, если ценности и стандарты двух или более социальных (например, этнокультурных) групп входят в противоречие, то человек, стремящийся идентифицировать себя с этими группами, переживает острый личностный конфликт — его идентичность становится амбивалентной, двойственной или даже трояственной. Разноплановость этнокультурных ориентаций может привести к ощущению раздвоенности личности или же к потере выраженной этнокультурной идентичности, духовному обеднению человека.

Для этнических маргиналов характерны два основных типа преодоления этнопсихологической раздвоенности: “националистическое поведение” и “посредническое поведение”. Первый тип предполагает жесткость межэтнических установок, их негативную эмоциональную окраску. Маргиналы с таким типом поведения часто берут на себя роль основных носителей этнического сознания и более активно проявляют себя в ситуациях межэтнического взаимодействия. Второй тип маргинального поведения направлен на усвоение норм и ценностей обеих этнических общностей, налаживание взаимосвязи в межэтнических отношениях.

Нужно отметить, что объективный маргинальный статус не обязательно влечет за собой внутреннюю (субъективную) маргинальность, ведет к психологическому конфликту. Существование на пограничье этнических культур может обогащать человека, расширять его культурное пространство. Исследования Э.Стоунквиста подтверждают, что маргинальному человеку часто присущи позитивные качества: потенциал адаптивности, инноваций, лидерства. Отмечается важная роль маргиналов в межэтнических отношениях, их “посредническая” позиция, связанная с опытом этнокультурного поведения разных этнических групп.

Исследования этнокультурной маргинальности на групповом уровне показало, что одним из главных факторов, определяющих ее содержание, является “культурная дистанция”, то есть степень культурных различий между этническими группами. Велико также влияние эмоциональных отношений, исторически сложившихся между контактирующими этногруппами.

Проблемы этнической маргинальности получили развитие в работах украинских социологов Н.Шульги, Т.Тоичкиной и др. со второй половины 90-х годов, когда под влиянием кардинальных политических изменений, связанных с образованием и становлением независимого украинского государства, начались существенные трансформации в этнонациональном пространстве Украины и в этнокультурной сфере в частности. Исследования показывают, что сегодня украинский

социум испытывает ломку привычных этнокультурных ориентаций и реального языкового поведения. Во многом эта ситуация касается русскоязычных украинцев, для которых все более характерным становится этномаргинальное состояние.

Очевидно, что в основе явления этнической маргинальности лежит кризис самоидентификации как на личностном, так и на групповом уровнях. Так, индивидуальная этническая самоидентификация людей с разными этническими корнями определяется траекторией и условиями жизни каждой конкретной семьи: местом проживания, этническим окружением, языком внутрисемейного общения, семейными традициями и культурными приоритетами. Групповая же этническая самоидентификация в значительной степени обусловлена социально-политическим контекстом, корни которого уходят в историю.

Украинский исследователь Л.Нагорная имеет все основания утверждать, что "...украинский социум переживает сегодня острый кризис самоидентификации. Он не чувствует себя украинским". Это утверждение подкрепляется анализом исторической обусловленности украинской этнической маргинальности, одной из главных причин которой явилась безгосударственность украинского этноса, необходимость адаптироваться к чужой этнической среде: литовской, польской, австро-венгерской, русской. Следствием такой ситуации стали периодические кризисы этнической самоидентификации украинцев, среди которых можно выделить четыре основных, самых глубоких кризиса.

Первый, вызванный включением украинской этнической территории в состав Польши в XVI веке, продолжался до середины XVII столетия и проявился в раздвоении самосознания украинцев между осознанием своей принадлежности к "народу руському" и вхождением в польскую политическую нацию.

Второй кризис связан с присоединением украинских земель к России, государственная политика которой была направлена на деэтнизацию украинцев путем вытеснения украинского языка и культуры из городского обихода в сферу сельской культуры, фольклора. Выход из этого кризиса нашел свою реализацию уже в советское время в объективно назревшей политике коренизации 20-х — начала 30-х годов.

Третий кризис самоидентификации украинцев начался после свертывания политики коренизации и был вызван двойными стандартами советской национальной доктрины, когда с одной стороны декларировался расцвет наций и национальных культур, а с другой — жестоко преследовался так называемый "украинский буржуазный национализм". Такая политика привела к усилению и распространению ситуативности этнической идентификации.

В независимой Украине не удалось избежать нового, четвертого кризиса этнической самоидентификации. Нереализованность социальных ожиданий стимулировала внутреннюю неуверенность, амбивалентность ценностных ориентаций. В результате сегодня в Украине все отчетливее проявляется сложность и противоречивость процессов, происходящих в этнонациональной сфере — в украинском социуме этнические группы не совпадают с языковыми, а культурно-ориентационные не тождественны этническим или языковым группам.

По мнению Е.И.Головахи и Н.В.Паниной, в том, что для значительной доли населения Украины этническая принадлежность не совпадает с языковой идентификацией и реальным языковым поведением, заложены определенные источники возникновения проблемных ситуаций. О распространенности этнокультурной маргинальности свидетельствуют данные мониторинговых опросов, проведенных Институтом социологии НАН Украины в 1992–2000 годах, которые выявили существенное противоречие между языковой и этнической самоидентификацией и практикой повседневного общения. Так, если доля населения, называющая родным украинский язык, в 2000 году по сравнению с 1992 выросла с 62,0% до 63,8%, то удельный вес людей, общающихся в семье только на русском языке, увеличился с 29,1% до 36,0%, в частности, среди молодежи до 22 лет — на 17,5%. Доля билингвов,

использующих в общении оба языка, за этот период сократилась более чем на 7% (с 32,0% до 24,8%). При этом следует учитывать, что если по данным последней переписи к этническим украинцам причисляло себя 72,9 % населения, то на сегодняшний день их будет гораздо больше.

Приведенная выше динамика этнолингвистических процессов в Украине проявляет определенные сдвиги в сторону расширения поля украинской языковой самоидентификации. Однако следует учитывать, что языковые процессы обладают значительной инерционностью, могут иметь “откатный” характер, поскольку на них оказывают определяющее влияние, наряду с политическими и социально-экономическими, культурные и психологические условия жизни людей. Можно констатировать, что расширение поля функционирования русского языка является следствием формирующего воздействия (наряду с другими факторами) русскоязычных средств массовой информации, работающих на более высоком профессиональном уровне. Нельзя элиминировать и естественный интерес населения Украины к родственной и мощной российской культуре, а также к событиям, происходящим на территории восточного соседа. Кроме того, возможна и ответная реакция на попытки административного регулирования в сфере языка и культуры.

Как представляется, потенциал роста украинской языковой и культурной самоидентификации русскоязычных украинцев заложен в сфере билингвизма и бикультурализма. Именно эта сфера служит резервом для формирования национальной идентичности, понимаемой как эмоционально-ценностный аспект ориентаций на личностном или групповом уровне, на создание консолидированной украинской политической нации с единым государственным языком. Очевидно, что процесс преодоления состояния этноязыковой и этнокультурной маргинальности будет довольно длительным и нелинейным. Поэтому ожидать положительных результатов от административного давления или националистических эксцессов не приходится.

Думается, что только реальные политические и социально-экономические успехи украинского государства, серьезные достижения в области культуры смогут укрепить этническую основу национальной самоидентификации украинцев, а также способствовать формированию украинской нации как политической полиэтнической общности.

Вопрос. Не считаете ли Вы, что без применения административных мер сфера действия государственного языка будет все более сужаться?

Ответ. Я думаю, что административные меры сами по себе неэффективны. Они будут только способствовать маргинализации, усилению психологической напряженности, разделению общества. До тех пор, пока украиноязычие как реальное языковое поведение (как деловое, так и повседневно-бытовое) не станет экономически выгодным и престижным, не произойдет психологической переориентации русскоязычных украинцев и других русскоязычных этнических групп. Очевидно, что это возможно только при условии экономического подъема страны.

Маргинальная личность: характерные черты

Римма Ануфриева, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

В своем выступлении я остановлюсь на краткой характеристике маргинальности как социальном явлении, а также социально-психологических особенностях маргинальной личности, на тех изменениях, которые претерпевает ее внутренний мир.

Маргинальность как социальное явление приобрела широкое распространение. Урбанизация, массовые миграции, интенсивное взаимодействие, взаимовлияние различных этнокультурных, религиозных традиций, а главное — ухудшение, снижение уровня жизни, утрата положения, ценностей жизни — все это привело к тому, что маргинальность стала нормой существования миллионов людей. Такая массовость приобретения статуса маргиналов объясняется рядом причин: разрушением привычного уклада жизни, существовавшей ранее социальной структуры, несформированностью основ гражданского общества, его институтов, кризисом, поразившим общество в целом. Развитие новых форм собственности, изменения в структуре общества активизируют проявление двух тенденций. С одной стороны, радикальные изменения в формах собственности, затрагивающие коренные интересы трудящихся, дают определенную свободу деятельности, содействуют проявлению потенций личности, расширяют границы выбора, а с другой — усиливают ее социальное отчуждение, превращая ее в товар, выброшенный на рынок с жестокой конкуренцией. Все это сопровождается такими явлениями, как безработица, обнищание широких слоев населения, деградацией моральных устоев в области политики, экономики. Система стратификации утрачивает былую жесткость и однозначность: размываются границы между группами, слоями в результате чего возникает много промежуточных, маргинальных групп, которые ни с кем себя не идентифицируют. Трудно дать четкое определение этих групп, поскольку состав их разнообразный, связи с обществом разрушены, утрачены традиционные механизмы регуляции поведения. Отсутствие форм и методов социальной организации препятствует осознанию своей общности, единства интересов. Люди утратили социальные стереотипы, привычные нормы, представления, существовавшие ранее, и пытаются усвоить новые, неопределенные и неизвестные им. Все это вместе и составляет процесс маргинализации (хотя и временной) широких масс населения. Сейчас маргинальный статус для большинства населения — не исключение, а норма существования, поскольку в разряд маргиналов попадают люди “обездоленные”, являющиеся своеобразным продуктом распада общества, пораженного кризисом. Маргинальность — это не состояние добровольной обособленности, это не добровольный выбор личности, это ее вынужденное, “навязанное” общественными обстоятельствами положение на краю, на обочине социальной жизни. Характеристика личности достаточно сложна и многозначна. Ситуация, в которой оказывается маргинал, возникает на стыке различных, отличных от других, форм социокультурного опыта, и ему трудно адекватно разрешить эту ситуацию, найти выход из нее. Существенным моментом поведения маргинальной личности становится девиация, аномия, характеризующие типично маргинальный комплекс сознания. Маргинальная ситуация стимулирует появление у личности признаков невроза, утраты самоконтроля и дисциплины, ведет к деморализации, к индивидуальным и групповым формам протеста. Все это усиливает процесс атомизации, разрушения социальных связей, отчуждения от социальной среды. Утратив “корни” привычного окружения, человеческое “Я” расплывается, мотивы поведения начинают формироваться вне ценностной структуры, моральные ориентиры слабеют. Отсутствие четких моральных ориентиров, целостной системы ценностей разрушает и структуру мотивации, зачастую делая поступки непредсказуемыми (“немотивированная жестокость”). Происходит, так сказать, “расстыковка”, фрагментация социальных установок личности: когнитивный уровень сознания может диссонировать с аффективным и поведенческим уровнями.

Такая фрагментация сознания маргинальной личности является следствием разрушения обычной социокультурной среды и весьма медленного формирования новой. Возникает своеобразная болезнь духа, поражающая личность, вызывающая протест и нежелание принимать новое. Результатом подобного культурного “скрещивания” становится расщепление сознания и психический разлад, поскольку

маргинальной личности непросто порвать со своим прошлым, привычной средой. Вхождение в новую среду становится проблематичным, поскольку маргинал — это личность двух культур. Правда, Э.Стоунквист в свое время сделал оптимистический прогноз, считая, что социокультурные процессы новой среды будут содействовать развитию адаптационных процессов и маргинальная личность будет хорошо себя чувствовать в новых условиях.

Если на маргинальную личность влияют новые условия жизни, являющиеся для нее необычными или противоречащими тому, что было принято и усвоено ранее и составляло стойкое содержание внутреннего мира, тогда происходит нарушение равновесия структуры ценностей личности. Чтобы равновесие закрепилось, необходимо усвоение этого содержания, включение его в существующую систему социальных ценностей личности или его отторжение, неприятие. В результате столкновения этих двух направлений — прежних взглядов, мыслей, убеждений и нового содержания, противостоящего прежнему, социальные установки пересматриваются, перестраиваются, вследствие чего происходит внутренняя реорганизация структуры социальных представлений личности. Сам процесс перестройки социальных установок личности и его результат зависят от того, каким образом, в какой мере затрагиваются эти установки. Ведь одни из них могут быть ситуативными, случайными, поверхностными, другие — выступать сущностными характеристиками сознания и самосознания, отражая основную жизненную позицию. Этот критический момент изменения внутреннего мира личности часто связан с определенными эмоциональными переживаниями.

В зависимости от того, насколько значимы для личности ценности, установки, убеждения, подлежащие переосмыслению, происходят различного рода глубинные изменения в системе ранее усвоенных понятий и отношений. Если они незначимы для личности, то последствия этих изменений будут малозаметными и не приведут к значительным изменениям самой личности. И наоборот, если изменения касаются тех взглядов и убеждений, которые относятся к довольно стойким ценностям личности, в ее внутреннем мире происходят существенные изменения.

Таким образом, процесс приспособления маргинальной личности к новым условиям жизнедеятельности — отнюдь не самопроизвольная ее активность. Это своеобразный ответ на требования общества. Осмысливая новые условия существования, она стремится к самообновлению, изменению, воспитанию в себе тех качеств, которые считает необходимыми для успешной адаптации. В этом случае, видимо, следует говорить о так называемой вторичной социализации, поскольку она, как утверждает А.Ковалева в книге «Социализация личности: норма и отклонение», «представляет собой процесс интеграции индивида в общество, различные типы социальных общностей (группу, социальный институт, социальную организацию) посредством усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются социально значимые черты личности». Личность должна проявлять определенную активность, стимулируя процесс адаптации к новым условиям существования.

Эта активность личности, направленная на согласование своего внутреннего мира с требованиями общества, непосредственного ее окружения, по своей сущности составляет процесс самовоспитания, саморегуляции поведения. Такая активность личности содействует адекватной самооценке, определяет надлежащие способы саморазвития, формирует определенный уровень социальной идентичности.

Адаптация маргинальной личности к новым условиям существования в нестабильном обществе происходит очень медленно и болезненно, что усугубляется отсутствием стабильных форм жизни, нарушением социальной структуры, углублением поляризации общества, разрушением лучших образцов моральных норм.

В заключение хочу заметить, что наиболее маргинализированной частью нашего общества ныне стала молодежь, пребывающая в двояко экстремальном поло-

жении: изменение социально-экономических условий сопровождается сокрушительным кризисом ценностей сознания. Поэтому не удивительно, что социологи фиксируют углубление упаднических настроений в молодежной среде, считающей себя потерянными поколением. Проблемы молодежи, ее маргинализация — это особая и большая тема, требующая детального исследования и всестороннего обсуждения.

Психологические яды жизни

Лидия Сохань, член-корреспондент НАН Украины, доктор философских наук, профессор, консультант Института социологии НАН Украины

“Спросят — как перейти жизнь? Отвечайте — как по струне бездну — красиво, бережно и стремительно”, — учит Агни Йога. Действительно, мы очень обеспокоены качеством пищи, воды, воздуха — всей экологической ситуацией в нашем обществе, на планете, перенасыщенной разного рода ядовитыми веществами биологического и химического происхождения. И это естественно, поскольку все это сказывается на качестве нашей жизни. Но существуют и **психологические яды**, которые отравляют жизнь, вызывают страдания. В периоды исторических изломов, когда коренные изменения затрагивают глубинные пласты жизни, круто меняя основы жизнеустройства и систему жизненных ценностей, в такие периоды социальных трансформаций, связанных с глобальными разрушительными процессами, особенно интенсивно идет накопление в обществе психологических ядов, отравляющих его духовно-нравственную ауру.

Яд, в интерпретации Д.К.Ушакова, — вещество, причиняющее страдание, смерть, а в переносном значении — это то, что приносит неприятности, отравляет.

Психологические яды — это негативные психологические феномены, которые являются вредными, зачастую губительными для человека. Их можно было бы условно объединить в три блока:

- негативные качества психологического склада личности, разрушительно влияющие на личность, ее психологическую структуру, жизненный мир: яд сомнения, страх, малодушие, скука, печаль и пр.;
- качества, проявляющиеся в сфере межличностных отношений и оказывающие на них отрицательное, а то и пагубное воздействие: зависть, недоброжелательность, зло, ненависть и др.;
- психологические феномены, относящиеся к сфере личностного мироотношения: пессимизм, неверие, пресыщение жизнью и т.д.

Каждый из этих ядов имеет свою характеристику и свой механизм воздействия на человеческую психологию и человеческую жизнь. Эти яды обладают *самоотравляющим* эффектом. Они разрушают того, кто является их носителем (например, зависть); развешают душу, портят настроение, деформируют систему отношений между людьми, лишая их гармонии, естественности, целительной силы, портят человеку жизнь: она теряет красочность и радость, становится зыбкой, беспокойной, мрачной.

Все эти психологические образования взаимосвязаны, а их вычленение и предложенное структурирование носят условный характер.

Грандиозный маскарад зла, разыгрывающийся сегодня на социальном плацдарме нашей жизни, попирает элементарные законы порядочности, человеколюбия, извращает, коверкает все этические понятия и нормы. Это отравляет воздух по-

вседневно человеческого существования. Зло, по законам психологического заражения, плодит, множит зло.

Разгул преступности, коррупция в институтах власти, дефицит толерантности во взаимоотношениях политических сил — все это отравляет атмосферу нашего общества. Вместе с тем, эскалация враждебности и зла в обществе идет также за счет преобладания репрессивно-карательной направленности законотворческой и судебной практики. Обращая на это внимание и указывая, что в данной сфере защита человека, его прав, чести, достоинства пребывает на втором плане, Л.Кучма, выступая на заседании Верховной Рады 22 февраля 2000 года, сослался на такие цифры: сейчас в Украине из каждых ста осужденных 36 направляются в места лишения свободы. Для сравнения приведены данные по Германии: там к 83% осужденных применяется такая форма наказания, как имущественные взыскания.

Однако человеческая жизнь по своей метафизической сущности соткана из перепутанных нитей: добро и зло соседствуют в ней. Как замечает итальянский философ Николо Аббаньяно в книге “Мудрость жизни”, надежда и страх, любовь и ненависть, экзальтация и депрессия, сострадание и жестокость, ярость и изнеможение во всех своих бесчисленных градациях и формах сегодня обычно считаются состояниями, к которым ведут жизненные перипетии, и, следовательно, состояниями жизни, которые нельзя опустить. В силу этого *искусство жизни* предполагает способность противостоять, противодействовать губительному действию негативных феноменов жизни, психологических ядов, актуализируя проблему жизненной компетенции личности.

Компетентность (от лат. *competo, competentio* — соответствую, подхожу) понимается как осведомленность, знание, опыт, традиционно соотносится с тем или иным видом или сферой деятельности. Соответственно, компетентным признается человек осведомленный, являющийся авторитетом в той или иной области. Однако это понятие может быть продуктивно использовано применительно к *жизни как целостности*. В таком случае оно трансформируется в понятие *жизненной компетентности*.

Вводя понятие “*жизненная компетентность*”, полагаем: подобно тому, как профессиональная компетентность является одним из неперемных условий продуктивности любой деятельности, компетентность необходима и для такой ее формы, как *жизнетворчество*, то есть для деятельности по сознательному и творческому построению и осуществлению личностью своей индивидуальной жизни.

Жизненная компетентность — это осведомленность, знание, умение, жизненный опыт личности, необходимые для творческого решения жизненных задач и осуществления жизни как *индивидуального жизненного пути личности*.

Жизненная компетентность предполагает:

- умение ориентироваться в социальных ситуациях;
- способность выбирать адекватные и эффективные способы решения жизненных задач, находить нестандартные решения, вносить новизну в жизнь;
- знание своих личностных особенностей, достоинств и недостатков;
- способность к совершенствованию и самоизменению;
- способность понимать и правильно оценивать других людей, устанавливать с ними адекватные способы общения;
- умение управлять собой и обстоятельствами своей жизни.

Для того, чтобы осуществлять разумное, социально зрелое, психологически, социально и нравственно здоровое поведение, человек должен знать мир, в котором он живет, и общество, частью которого он является. Но исторические условия в нашем обществе сложились таким образом, что нам недостает способности получать объективную картину относительно себя и своей жизни и давать миру неискривленную информацию о себе. Данную ситуацию Лина Костенко в своем эссе “Гуманитарная аура нации, или дефект головного зеркала” называет дефектом

головного мозга. Она ставит вопрос о необходимости создания гуманитарной ауры Украины. Причем особую роль в этом вполне обосновано отводит человеку. “Демократия тем и хороша, что при демократии не государство разрушает человека, а человек строит государство, и самого себя, и свою достойную жизнь и гуманитарную ауру своей жизни”, — пишет она.

Исторический опыт и данные психологических и социологических исследований показывают, что психологические яды в человеке накапливаются, если он “не нашел себя”, не удовлетворен собой и своей жизнью. Самоактуализирующаяся личность, которая обрела свое призвание и реализует его, менее подвержена опасности в этом отношении. Кроме того, обладая жизненной энергией и активностью, она способна очищать свой жизненный мир от сорняков, если они начинают произрастать на этой почве.

В отношениях между людьми психологические яды накапливаются из-за жизненных коллизий и перипетий, из-за низкой *коммуникативной культуры* людей, слабого развития у них качества *толерантности*, способности понимать других и конструктивно сотрудничать.

В ткани индивидуальной жизни личности психологические яды накапливаются при несовершенных социальных порядках со слабым индексом гуманизации, а также при неспособности человека создать для себя достойную жизнь, что порой обрекает его на горемычное существование, лишённое радостей и полное невзгод.

В условиях трансформирующегося украинского общества особое значение приобретает формирование у человека *новых жизненных стратегий, усиление гибкости и мобильности социального поведения*.

Данные социологических исследований показывают, что модель поведения, стержнем которой является “установка на себя”, наиболее характерна для молодой генерации. В мониторинговом исследовании тенденций украинского общества в 1994–99 годах на вопрос “Как Вы считаете, от кого в большей степени зависит то, как складывается Ваша жизнь?” 62% опрошенных ответили: “Больше от внешних обстоятельств”, 14% — “В большей мере от меня, нежели от внешних обстоятельств”, то есть в целом ответственность за то, как складывается жизнь, перекладывается с себя на общество, на внешние обстоятельства. Однако при анализе позиций респондентов с учетом их возраста картина выглядит несколько иначе. Считают, что жизнь зависит главным образом от человека: 24% опрошенных в возрасте до 30 лет; 13% — в возрасте от 30 до 54 лет; 10% тех, кому 55 лет и больше.

Формирование *жизненной компетентности, овладение искусством жизни* в новых условиях выступает предпосылкой самоосуществления личности в соответствии с требованиями и духом своего времени.

Доверие как социопсихический феномен

Игорь Мартынюк, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Отдавая должное важности вопросов самоидентификации личности, хотелось бы вернуться к рассмотрению главной темы круглого стола — переструктуризации сознания личности. Несмотря на слегка отпугивающий своей рычащестью термин “*переструктуризация*”, сущность происходящих в коллективном и индивидуальном сознании перемен вполне очевидна. Для нашего общества она заключается в усилении иррационального и, соответственно, в некотором ослаблении рационального компонентов сознания. Изменения в социальной практике, произошедшие в по-

следнее десятилетие, не могли не сказаться на характере функционирования и содержании общественных и индивидуальных норм, убеждений, идеалов и прочих рациональных в своей основе саморегуляторов жизнедеятельности личности и социума. Широкое распространение в обществе явления аномии, когда многие социальные нормы оказались разрушенными или стали анахронизмом, а новые еще не успели выкристаллизоваться или достичь уровня поведенческого императива, привело к тому, что иррациональные компоненты сознания, будучи по природе своей комплиментарными по отношению к рациональным, заметно потеснили последние в качестве средств поиска жизненных ориентиров. Собственно, любая стабильная общественная система (вспомним гегелевское “все действительное разумно”) является выражением рационального начала, и стоит ей начать разрушаться, как тут же открывается простор для социальной энтропии.

Нельзя не принимать во внимание и другой фактор — методологический кризис мировоззрений сциентистского типа, оказавшихся не в состоянии совладать с бурным информационным потоком, и потому их разочарованные адепты склонны шарахаться в другую крайность, умаляя значение рационального способа познания мира. Так или иначе, смещение центра тяжести в коллективном и индивидуальном сознании в сторону иррационального начала представляется настолько бесспорным, что на сегодняшний день гораздо важнее выяснить не *что* происходит в сознании личности, а *как*, за счет актуализации *каких* элементов и механизмов осуществляются эти перемены.

Именно этими вопросами в течение последних десяти лет занимается исследовательская группа, к которой я принадлежу. К настоящему времени проанализированы такие элементы сознания, как отношение к будущему (ожидания) в широком спектре возможных вариаций — от немотивированной надежды до научно обоснованного прогноза; мифы и мифологемы как формы интуитивно аккумулированного опыта прошлого; социальные чувства как механизмы переживания настоящего.

Ныне в фокусе исследовательского интереса находятся проблемы веры. Вера является необходимым атрибутом человеческого способа познания и осмысления мира; она представляет собой уникальный психологический механизм, предохраняющий человеческий разум от последствий извечной антиномии познанного и непознанного. В социологии существует определенная традиция исследования вопросов веры, берущая начало от трудов Дюркгейма, считавшего богов всего лишь персонифицированными общественными идеалами, а силу веры — показателем действенности духовных скрижалей общественного устройства. Наиболее объемно значение веры проанализировано в трудах Московичи, провозгласившего *homo credens* — человека верующего — основным действующим лицом своей теории. По его мнению, для нормального функционирования общества необходимо нечто более возвышенное, нежели материальная сила, более уважаемое, чем интерес, более бесспорное, чем философская теория, и более созвучное человеческим чувствам и страстям. Это нечто и есть верование, вне зависимости от того, поддерживается оно мифом, идеологией или наукой. Мы полагаем, что помимо мотивирующей, не менее важными являются охранительная (или защитная) и интегрирующая функции. Последняя дает возможность личности из разрозненных обломков научного знания, жизненного опыта, интуитивных озарений и добросовестных заблуждений сконструировать свою мировоззренческую позицию, кажущуюся субъекту внутренне непротиворечивой. Вера — раствор, скрепляющий воедино эти неоднородные духовные субстанции, которые при строго логическом подходе оказались бы несоединимыми.

Доверие — это, с одной стороны, психологическое состояние, с другой — отношение субъекта, причем именно *отношение к другому субъекту*. В латинском языке *credo* — “иметь доверие, доверять” — означает буквально “сердце даю (кладу)”, что

содержит прямое указание на важнейшее значение доверия как психологического состояния человека. На непосредственную связь с верой указывает дефиниция, приведенная в “Новом толковом словаре украинского языка”, где доверие трактуется как отношение к кому-либо, возникающее на основе веры в его правоту, честность, искренность и т.п. Схожей точки зрения придерживался и С.И.Ожегов, определявший в своем словаре доверие как уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-либо, как основанное на этом отношении к кому-либо. Так или иначе, доверие — необходимая психологическая предпосылка любого межличностного общения, без которой таковое, если и может осуществляться, во многом утрачивает свой смысл.

Обычно предметом анализа социолога становится сам факт оценки сообщения, действия, намерений, то есть любого продукта обмена сквозь призму доверия—недоверия к его субъекту. На наш взгляд, целесообразно сделать предметом исследования также и генезис *способности* к доверию как одному из важных витальных качеств личности. В этом плане любопытны разработки создателя теории жизненного цикла Э.Эриксона, который ввел категорию *базисного доверия* как одну из краеугольных для своей концепции. Эриксон отождествляет доверие с верой в себя и неизменной благожелательностью со стороны других людей. Формируясь на основе жизненного опыта первого года жизни ребенка, это чувство превращается в установку, определяющую отношение к миру и самому себе. В дальнейшем оно становится основополагающим для психического здоровья личности, поскольку преобладание недоверия ведет к нарастающему отчуждению индивида, самоуглублению, разладу отношений с окружающими.

Самый существенный тезис концепции Эриксона состоит в том, что разрешение кризиса “доверия—недоверия” в ту или иную сторону в течение первых двух лет жизни может оказаться не окончательным; дилемма “доверять—не доверять” будет воспроизводиться в различных ситуациях в течение всей жизни личности. Опираясь на базовое чувство доверия, индивид в процессе социализации должен научиться понимать, кому и в чем следует доверять, а кому — нет. Формирование у человека чувства доверия или недоверия сопровождает развитие его “Я”, накладывает отпечаток на формы протекания и способы разрешения жизненных кризисов, проецируется на итоги смысловозжизненного самоопределения.

Безусловно, иррациональное базисное чувство доверия, возникающее в первую очередь из общения ребенка с матерью, достаточно далеко отстоит от его рационального осмысления, происходящего, как правило, уже у зрелой личности. Но вне зависимости от того, в какой мере умение доверять является плодом ментальных усилий, аналитических качеств и жизненного опыта, потребность в *доверии*, причем потребность двоякая — выступать как *объектом*, так и *субъектом* доверия свойственна практически любому возрастному периоду.

Способность к доверию не следует путать с доверчивостью, легковерием. Легковерие является результатом некритического восприятия субъект-субъектных отношений. На эту сторону доверия, кстати, указывал Ожегов в своем “Словаре”, характеризуя доверие как психологическое состояние, вследствие которого мы полагаемся на какое-либо мнение, представляющееся нам *авторитетным*, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, который мог быть нами изучен. Способность к доверию в ее развитом состоянии предполагает не бездумное легковерное отношение ко всему (таких людей коротко, но емко обозначает жаргонное словечко “лох”), а искусство “отделить козлиц от агнцев”, избрать субъектов, достойных доверительного отношения.

Вторая сторона способности к доверию, то есть способность его вызывать, в наиболее явном своем выражении именуется харизмой. В теологии харизма означает благодать, божьи дары в виде исключительных, недоступных простому смертному талантов, которыми Бог наделяет человека ради выполнения какой-либо

исключительной задачи. Давая своему обладателю необычайную силу влияния, эти дары одновременно накладывают суровые обязательства самоотречения во имя Служения.

Перенесенное на почву секуляртивной практики, понятие харизмы остается, в сущности, неизменным. Она недоступна рациональному объяснению “благодатью”, удачливостью, которые, как бы не являясь личной заслугой человека, наделенного харизмой, придают ему дополнительную уверенность в себе и магнетическую притягательность для окружающих. Как правило, харизма связана с какими-либо мессианскими мотивами, поглощающими человека всецело, вплоть до самопожертвования. Не потому ли, кстати, слабовата харизма большинства украинских политиков, что мало кто из них самоотреченно следует своему призванию?

Вопрос этот, разумеется, риторический. Воспользуюсь им, чтобы перейти от теоретического экскурса к злобе дня. Крах прежней мировоззренческой системы, дававший законное чувство веры в “нас” как авангард человечества, обернулся, во-первых, массовым разочарованием, разуверенностью, нигилизмом по отношению к идеологемам социализма, во вторых, безверием как таковым, когда для светской веры не видно достойных (и одновременно доступных) новых символов. Соответственно недоверие стало лейтмотивом отношений между социальными субъектами, в том числе и на межличностном уровне. Ряд наших опросов последних лет фиксирует устойчивое недоверие респондентов к большинству общественных институтов; доверия большинство населения удостаивает лишь Бога и собственную семью.

Одно из основных противоречий сознания сегодняшнего обывателя состоит в том, что он жаждет доверять и верить, но в то же время боится обмануться или быть обманутым, и потому ему трудно отрешиться от синдрома недоверчивости. Переструктуриацию личностного сознания можно будет считать успешно завершенной лишь тогда, когда это противоречие будет окончательно преодолено.

Вопрос. Как Вы полагаете, целесообразно ли, учитывая возросшую недоверчивость населения, использовать в опросах оборот “доверяете ли Вы...”?

Ответ. Это как раз одно из прямых практических следствий сказанного. На мой взгляд, есть смысл не применять вопросов о доверии–недоверии, дабы избежать наводок отрицательной установки на сам термин. В большинстве случаев этот оборот речи можно заменить формулировками типа “оцените эффективность данного социального субъекта” и т.п.

В поисках смысла и веры: проблемы массового сознания в условиях неустойчивого общества

*Наталья Соболева, кандидат философских наук, докторант
Института социологии НАН Украины*

“Жизненное время” человека — понятие не столько хронологическое, сколько содержательное, несущее в себе некий ценностный смысл. Экстраполируя будущее, оценивая прошлое или современность, то есть время, в котором собственно и протекает жизнь субъекта, будь то общество в целом или отдельный индивид, последний приписывает ему ряд характеристик (реакционное, застойное, революционное, смутное, счастливое, “золотой век” и т.п.), обуславливающих рационально-эмоциональное отношение к тому или иному периоду индивидуальной или общественной жизни. Конечно, “времена не выбирают, в них живут и умирают” (Б.Пастернак), но

от того, как именно субъект оценивает время своей жизни, зависит и степень самореализации субъекта, и формирование жизненных целей и перспектив, и система мировосприятия, и ответы на самые жгучие смысложизненные вопросы, и, наконец, оценка открывающихся новых возможностей жизни.

В периоды относительно стабильного развития общества вопрос о смысле жизни чаще всего предстает перед человеком в стратегической формулировке: “зачем жить?”. В условиях неустойчивого общества вопрос о смысле жизни преимущественно трансформирован в более частную проблему: “как жить?”, а точнее, “как выжить?”. И если одни индивиды или социальные группы через отрицание потребительских ценностей приходят к осознанию необходимости активных действий, участию в политической борьбе, отстаивая свои идеалы, то другие видят выход в психологическом “разрыве” с непонятным и враждебным “большим миром”, концентрируют свои потребности и интересы в узком мире частной жизни. Третьи находят опору и “психологическое убежище” в традиционных религиях, разного рода религиозных сектах или субкультурных группах. Многие из тех, кто становятся жертвами безработицы, бедности, необеспеченного будущего, впадают в отчаяние и видят единственный смысл в том, чтобы хоть как-то выжить, удержаться на плаву. Есть также и определенные социальные группы, озабоченные преимущественно сохранением своего относительного благополучия, подлинных или иллюзорных социальных привилегий.

В таких условиях необходимо определить некие общие цели и смысл дальнейшего развития, которые могли бы консолидировать общество. Поиск подлинных, осмысленных ценностей общественной и личной жизни должен основываться на балансе рациональных и иррациональных механизмов психики. С одной стороны, расширение интеллектуальных горизонтов массового сознания, его “рационализация” открывают новые перспективы для выработки общественной идеологии и деятельности различных политических партий. С другой стороны, самостоятельное рациональное осознание действительности происходит намного дольше, болезненнее и сложнее, чем принятие готовых оценок и выводов. В процессе такого осознания слишком явно выступают реальные противоречия жизни; нерешенные проблемы нарушают цельность мировоззрения и усиливают колебания; усиливаются страх перед будущим, опасение потерять то, что уже есть, нарастает консерватизм в установках и поведении.

Новые явления в массовом сознании и поведении имеют некий “общий знаменатель”: напряженный поиск личных и общественных ориентиров, отвечающих современным потребностям и запросам масс, меняющимся условиям их жизни в обществе. Такие ориентиры совершенно необходимы, потому что в периоды интенсивных трансформаций в обществе окружающий мир предстает для обычных людей в непривычном, искаженном виде, прошлая картина мира разрушена, а контуры новой едва угадываются в хаотическом нагромождении экономических, социальных, политических и культурных изменений. Традиционные ценности и нормы, десятилетиями и даже столетиями регулировавшие жизнь и отношения людей, девальвированы, новые еще не утвердились. Смысл происходящего и цели трансформаций не всегда понятны даже элите; то, что было возможным вчера, невозвратно, сегодняшний день полон тревог, а завтрашнего может не быть вообще.

Создавая в процессе своей жизнедеятельности определенные материальные и духовные ценности, люди мыслят, радуются, надеются и страдают, то есть являются пристрастными субъектами своей истории. Человеческая личность всегда исторически конкретно определена присущим только данной социокультурной ситуации способом мировосприятия и поведения. Невозможно понять то или иное социальное время, тот или иной отрезок человеческой истории, анализируя только экономический уклад жизни, политический строй и социальную структуру и не углубляясь при этом в духовную жизнь людей, не исследуя состояний человечес-

кого сознания, не зная верований, настроений и установок людей соответствующей эпохи, их понятийного “инструментария”, способы их мировосприятия и реагирования на вызовы социальной реальности, не реконструируя их ментальный универсум.

Процессы распада и демонтажа отживших общественных форм явно опережают утверждение новых форм, установление рамок нового общественного саморегулирования, формирование соответствующих социальных и моральных контрольных механизмов. Одновременно функционируют и социальные ожидания, ориентированные на новации, и надежды на сохранение старого, привычного и понятного. Социальная психика в какой-то части сопротивляется быстрой ломке устоявшихся представлений, испытывает страх перед новым и непроверенным, стремится сохранить опору в традиционных формах социального регулирования. В образовавшемся континууме одновременно действуют старые, нарождающиеся новые и промежуточные формы, причем возрастает роль чувственных регуляторов сознания и поведения.

Изменения в мироощущении, видении мира, фиксируемые массовым сознанием, безусловно, отличаются по динамике и соотношению рациональных и чувственных элементов от элитарных форм духовной жизни, но, тем не менее, именно мироощущение рядового человека, культура безмолвствующего большинства определяет подлинный ментальный портрет того или иного общества. Рациональное и иррациональное, логическое и алогичное, научные концепции и гипотезы, с одной стороны, и народные верования и мифологические образы — с другой, все эти сосуществующие и переплетающиеся в различных соотношениях слои в общественном и индивидуальном сознании и определяют духовный потенциал людей в каждую конкретную эпоху. Понять современную духовную жизнь общества как сплав всех этих компонентов — актуальная и в высшей степени захватывающая задача для социально-психологического исследования.

Все, что происходит в мире, окружающем рядового члена общества, в его собственных психике и сознании, обостряет его потребность понять, чего он может хотеть и добиваться, как общественная действительность и ее движение связаны с его личным бытием. Эта потребность порождает поиск новых целей, а также новых смыслов жизни, способных “освятить” эти цели, сакрализировать их, превратить из конкретных прагматических задач в нечто чувственно переживаемое, что позволило бы человеку определиться по отношению к жизни в целом. Речь идет о таком социокультурном феномене, как светская вера.

Вера — понятие, с помощью которого философия описывает личностно свободное самоопределение человека по отношению к духовной и нравственной стороне жизни.

Понятие веры имеет два значения: верить и веровать. Поэтому необходимо различать обычную веру, то есть светскую веру и веру религиозную. Верят во что-нибудь все без исключения люди, веруют немногие, называясь, соответственно, верующими. Также можно различать веру и верования. Первое понятие более широкое и однозначно не связано с верой в Бога или в некое множество божеств. Второе — тесно связано с религией. Но и та, и другая вера — религиозная и светская — имеют нечто общее. Всякая вера состоит в признании доводов души (читай — чувства. — *Н.С.*). Рациональные доказательства истинности, правильности чего-либо “не работают” в сфере человеческой веры, уступая аргументам чувства, имеющим здесь бесспорный приоритет. Сущность всякой веры, по утверждению Л.Толстого, состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Именно в вере концентрируется и воплощается то, что определяет направленность человеческой жизни, взгляды и поступки личности; то, что вынуждает ее добровольно руководствоваться теми или иными ценностями, нормами, предписа-

ниями. Психологический механизм веры, перебрасывая мостик над бездной между известным и непознанным, позволяет человеческому сознанию выстроить из совокупности истин и ошибок, рациональных знаний и суеверий более-менее согласованную мировоззренческую картину.

Нерелигиозная, так называемая светская вера непременно участвует в организации жизненной практики личности. Во время своей жизнедеятельности человек все время принимает решения, осуществляет волевой выбор. Обстоятельства, в которых совершаются эти жизненные выборы, очень редко бывают однозначными, допуская чаще всего несколько возможных вариантов стратегии и тактики поведения. Там, где невозможно принять несомненное решение на основании известной информации и где нет внешнего принуждения, вступает в действие свободная воля индивида. Именно тогда последний должен опираться на свою веру в успех собственного замысла, в правильность своего выбора.

Таким образом, вера и знание представляют собой диалектическую пару взаимосвязанных противоположностей. Вера помогает человеку действовать в условиях рациональной неопределенности. Необходимость веры определяется невозможностью полной информированности. Виртуальность самого бытия обуславливает принципиальную открытость любого знания, его незавершенность. Человек часто вынужден выбирать какое-то решение, хотя и не может постичь его предпосылок и последствий при помощи логики. Там, где не хватает рациональных аргументов, вступает в действие вера.

В свою очередь, вера подкрепляется знаниями и опытом, формируется жизненными обстоятельствами, практикой. Переменчивость и динамика окружающего мира, требующие новых решений в новых обстоятельствах, компенсируются эвристичными возможностями мышления и, конечно же, верой в себя и собственные возможности управиться с ситуацией. Вера укрепляет силу духа, придает решительности, а, следовательно, увеличивает реальные возможности человека. Поэтому тот, кто верит (все равно в кого или во что — в Бога, в себя, в идею, в кумира), сильнее и выносливее того, кто отчаялся. Он владеет дополнительным стимулом к действию — во имя веры. Такая вера не имеет ничего общего с фанатизмом и не только не противостоит и не противоречит разуму, но и открывает простор для активной и продуктивной деятельности сознания.

Человек не может жить без веры. Вера идет от излишка энергии, остающегося у человека после удовлетворения витальных потребностей. Этот излишек направляется на изменение системы “я — мир”. А там, где человек не в состоянии трансформировать внешний мир, он перерабатывает мир внутренний, субъективный, воображаемый. В этом сущность жизнотворчества. Потенциал развития реализуется за счет веры как воплощение творческой природы человека, определяющей его способность преобразовывать мир внутри себя и мир внешний. При этом данное желание не является рациональным, спекулятивным; по своей первичной сущности оно чувственное, детерминированное психической организацией человека. Рефлектирующее сознание — это двойное зеркало; оно отображает реальный мир и в то же время перестроенную картину этого мира, то есть мир внутренний, идеальный, воображаемый, противостоящий реальному миру и дополняющий его. Этот внутренний мир построен из тех же самых отраженных элементов, но по законам чувственных потребностей и образов.

Вопрос. В чем, на Ваш взгляд, состоит актуальность изучения веры как феномена массового сознания на сегодняшний день?

Ответ. В современных условиях происходит актуализация веры как одного из ведущих социально-психологических механизмов самоорганизации общественной и индивидуальной жизни. При этом вера приобретает значение системообразующего принципа мировосприятия и миропонимания вследствие информационного

перенасыщения, неподвластного осмыслению в обычных категориях, и частичной дискредитации рациональных приемов построения картины мира в переходный период. В процессе нормализации и согласования системы общественных интересов и регуляторов постепенно осуществляется смещение к более рациональному, более критичному восприятию человеком социальных (официальных) ценностей в соотношении с собственными индивидуальными интересами и ценностями отдельных людей и групп.

“Государственный патернализм” и перспективы создания гражданского общества в Украине

Наталья Бойко, ведущий психолог отдела социальной психологии
Института социологии НАН Украины

Конец XX – начало XXI столетия отмечен изменением характера взаимоотношений в обществе. Человек постепенно вытесняет государство из своей общественной жизни. На смену государственному диктату, структурам властного контроля постепенно приходит гражданское общество с самоконтрольными рычагами и самосознанием личности. Формирование гражданского общества предполагает “специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, социальных институтов и социальных ценностей”, главными субъектами его являются “граждане со своими правами и гражданские (не политические и не государственные) организации, ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты...”, — утверждает российский социолог В.Пуляев.

Подобный уклад нуждается в формировании определенных отношений в обществе — активности и независимости всех социальных субъектов общественного процесса, в том числе таких агентов социального взаимодействия, как государство, носители властных полномочий, с одной стороны, и рядовые граждане, члены данного общества — другой.

Специфика этих отношений, на наш взгляд, должна свидетельствовать о социальном здоровье общества и государства, демократический уклад которого является показателем социально-активной позиции его членов, возможности их наиболее полной самореализации, самоуважения к себе как к полноправным членам общества. Она может также свидетельствовать о стабильности социальной системы в целом или, наоборот, указывать на определенные проблемы в обществе.

После развала старой системы в нашей стране сложилась новая политическая система, основанная на характерных для западных демократий принципах. Принимаются определенные шаги в этом направлении. Возникают новые социальные структуры, идет процесс становления многопартийной системы (на сегодняшний день в стране зарегистрировано 98 партий), проходят выборы президента и парламента. Приняты законы, направленные на защиту прав и свобод граждан, на защиту общественных организаций, свободы прессы и других средств массовой информации, ратифицирована “Конвенция о защите прав человека и основных свобод”.

Однако построение гражданского общества в Украине связано с преодолением последствий прошлого. Взаимоотношения “власть–гражданин” в значительной мере детерминированы социально-историческим и социально-психологическим опытом прошлого, присущим всем “актерам” этого процесса.

Чтобы максимально освободиться от государственного контроля и перейти к гражданскому обществу, человеку нужно время. Тем более, что такие отношения

реализуются не только и не столько на уровне институциональных структур. Сформировавшись в определенном социуме, они начинают действовать на социально-психологическом, личностном уровне, подчиняясь уже его законам. Социальный опыт, накопленный в нашем обществе на протяжении многих лет, обуславливает возможности и особенности дальнейшего его развития.

По сравнению с периодом стабильного функционирования общества, способного на выполнение по отношению к человеку определенных патерналистских функций, в период трансформаций ситуация меняется. Распадаются старые институциональные структуры, ранее регулировавшие отношения в обществе, а отсутствие новых правовых институтов вызывает некоторую стихийность поведения. В социальный процесс сегодня должна включаться не просто “адаптивная”, а “деятельностная” модель личности.

Успешность ее реализации определяется и регулируется социально-психологическими законами как наиболее глубинными и стойкими механизмами.

Особенности отношений индивида и общества, государства и граждан, понимание этих взаимоотношений наполняются ныне новым содержанием. Но такие отношения не формируются мгновенно. Особенности усвоения социального опыта индивидом имеют непреходящее значение для дальнейшего успешного существования в обществе.

В соответствии с общесоциальными и групповыми программами поведения в конкретном государстве формируются автономные, личностные регуляторы поведения, позволяющие человеку определять и выбирать именно те способы поведения, которые положительно “вписываются” в общественную динамику социальных связей и взаимодействий и отвечают конкретным социально-историческим требованиям данного общества и государства.

Обнаруженные в наших исследованиях тенденции восприятия социальной ситуации, особенности массового сознания, специфические социально-психологические черты, особенности регулятивной системы, сформированные при определенном социальном укладе, и сегодня продолжают влиять на поведение и ожидания граждан.

Изменить логику и психологию зависимости от государства, которая закладывалась и подкреплялась годами, невозможно мгновенно. Проблема изменения сознания зависимости, построения нового типа отношений в государстве приобретает сегодня особую актуальность. Таким образом, проблема формирования демократического уклада в обществе является проблемой не только изменения формальных государственных структур, но и проблемой создания определенных условий для формирования новых отношений в обществе.

Показателем демократических преобразований выступает эмансипация личности от государства, сокращение пространства прямого командного влияния государства, формирование независимой сознательности граждан государства. Это предполагает наличие свободных, экономически независимых, самостоятельных граждан. Отношения “власть–граждане” должны носить субъект–субъектный, а не субъект–объектный характер, и предусматривать равенство партнеров взаимодействия.

К сожалению, сегодня в нашем обществе на должном уровне не актуализируется разрешение проблемы формирования гражданина демократического общества. Ни политическая, ни экономическая, ни социально-психологическая ситуация в стране не содействуют и не стимулируют подобных изменений. Государство всячески дает понять человеку, что нужно полагаться только на себя. Таким образом, предлагается абсолютно новый для нашего общества тип взаимоотношений. Однако новые отношения “власть–гражданин” нуждаются в изменении всех агентов этого процесса, корректировке форм и методов этих отношений, и что, по-видимому, самое главное — в изменении психологии их отношения друг к другу.

Необходимо формирование кардинально иных взаимоотношений между государством и обществом, властью и гражданами. Прежде всего это:

- установление отношений полноправных и независимых партнеров социального взаимодействия;
- формирование активных субъектов социального процесса с предоставлением равных прав всем агентам взаимодействия;
- соблюдение всеми членами общества законов, нарушение которых должно приводить к одинаковым санкциям для всех нарушителей без исключения;
- установление “прозрачных” горизонтальных отношений в обществе, развитие эффективной системы “обратной связи”, формирование двухстороннего контроля за деятельностью агентов отношений;
- формирование доверия и взаимоуважения между агентами взаимодействия;
- воспитание уважения граждан к себе как к высшей ценности в обществе, предусматривающее, прежде всего, изменение усвоенных социально-психологических установок, касающихся взаимоотношений в государстве;
- рост политической активности граждан.

Только социально активный, сознательный, уважающий себя гражданин способен побуждать власть к активным действиям, к совершенствованию, позитивному развитию в обществе.

Необходимость формирования инновационной модели взаимоотношений в обществе — залог успешного развития нашего государства. Нерешенность же этого вопроса во многом определяет ход и характер преобразований во всех сферах жизни современного общества.

Вопрос. Мы понимаем, что проблема “воспитания” самостоятельности и самоуважения у граждан очень важна. Но как обеспечить самоуважение, если на каждом шагу, при обращении в любые организации и госструктуры человек не ощущает уважительного отношения к себе. Когда годами не выплачивается зарплата, пенсии. Откуда же черпать базу для самоуважения?

Ответ. Разумеется, это нелегкая для нашего государства задача. Однако к этому необходимо стремиться. Когда гражданин начнет уважать себя сам, он будет подходить к решению всех социальных вопросов совершенно с другой стороны. Гражданин должен уяснить, вопреки всем “внешним барьерам”, что он — главная фигура в государстве. Государство существует для человека, а не наоборот. Творцом государства, гражданского общества, любого общества вообще есть человек. И от человечности субъектов социальных отношений, их духовности зависит дальнейшая направленность преобразований. К сожалению, как справедливо заметила Л.Сохань, “добро далеко не всегда побеждает зло” даже в нас самих.

Изменение политической идентичности личности в трансформирующемся обществе

Александр Резник, аспирант отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

В наше время мы наблюдаем немало примеров изменения политической идентичности отдельных людей. Даже в стабильных обществах, при программированной политической социализации, нет гарантий, что личность в течение жизни не изменит своих политических взглядов.

А если говорить о ситуации в Украине, то продолжительная социально-экономическая, политическая, духовная трансформация общества активизировала изменение идентичностей и усложнила формирование новых политических мировоззрений и, к тому же, обусловила реидентификацию, то есть восстановление утраченной на какое-то время прежней идентичности.

Проблему изменения политической идентичности следует рассматривать в контексте изменений политической самоидентификации личности. Политическая самоидентификация личности — это процесс солидаризации индивида с определенной политической общностью, содержанием и идеологией социальной группы, ее политическими символами. Сформировавшись под влиянием политической социализации, личность возлагает на себя определенную политическую роль с определенным набором прав, привилегий и обязанностей. В процессе непосредственного взаимодействия, и в первую очередь с широко известными представителями социума, индивид находит, а затем усваивает и воссоздает политические ценности, взгляды, идеалы, нормы и установки.

Социологический подход к этой проблеме дает возможность проанализировать зависимость изменений политической самоидентификации личности от объективных изменений экономического, социального и демографического статуса человека.

В психологическом аспекте важным представляется момент взаимодействия изменения идентичности с изменениями базовых потребностей личности, в частности политической самоидентификации.

Процесс изменения социальной идентичности, по мнению Н.Шульги, условно можно разделить на два этапа: распад, разлад прежней идентичности и зарождение, становление новой. Конечно, процесс этот происходит непоследовательно, поскольку зависит от индивидуальных особенностей личности и характера трансформационных преобразований общества.

Началом разлада прежней идентичности является возникновение у личности сомнений относительно некоторых моментов своего политического идентитета. Если отдельные проявления этих чувств порождают переживания, начинается период распада или кризиса идентичности.

Началом выхода из кризисной ситуации можно считать зарождение новой идентичности. Оно начинается с момента осознания личностью необходимости отказаться от своей политической группы, общности, партии и возникновения положительной установки на новую позицию в системе политических отношений.

На эмоциональном уровне происходит закрепление чувства нового “Мы”. Личность не только начинает переживать единство с новым “Мы”, но и ощущать противостояние с “Мы” прежним, отрицать прошлое. Ярким примером этого может послужить творчество украинского поэта Д.Павлычко. Эволюция взглядов от стихов типа “Партія — очі мої” к “Покаяльным псалмам” наглядно демонстрирует мировоззренческий спектр изменения его политической идентичности.

Процесс изменения политической идентичности обычно завершается трансформацией нового политического поведения в индивидуализированную форму. Одним из механизмов изменения политической идентичности становится когнитивный диссонанс, когда вследствие конфликта двух соотносительных знаний по какому-либо политическому вопросу личность ощущает психологический дискомфорт. Дискомфорт является возбудителем психологической активности, направленной на преодоление конфликта. В зависимости от индивидуальных особенностей людей, культурных и прочих факторов конфликт преодолевается разными путями. Человек может усвоить новые знания и отказаться от прежних или же, наоборот, будет стараться закрепить старые представления, всячески умаляя значение и достоверность новой информации, психологически “отворачиваясь” от нее. Л.Фестингер, автор теории когнитивного диссонанса, различает четыре класса си-

туаций, обуславливающих этот процесс: логическая несопоставимость, несопоставимость с культурными образцами, несопоставимость новых знаний с более широкой системой представлений, несоизмеримость с предыдущим опытом.

Примеры в подтверждение действия механизма когнитивного диссонанса в политической идентификации обнаружить нетрудно. Во времена перестройки многие перешли от веры в социализм сначала к вере в демократизацию советского строя, а потом вообще переориентировались на “западные” ценности. Решающую роль здесь сыграла лавина новой информации. Вместе с тем, определенная часть людей еще более укрепилась в своих прокоммунистических взглядах.

Но, как отмечает Г.Дилигенский, далеко не каждое изменение системы социально-политических представлений связано с когнитивным диссонансом. Эта категория наиболее подходяща для понимания изменений в самых существенных представлениях личности, в частности политических ориентациях и ценностях, обобщенном образе общества, образа харизматического лидера, символизирующего убеждения и верования людей, и т.п.

Изменения партийной идентификации личности, по нашему мнению, основательнее всего объясняет теория социальной идентичности Г.Таджфела. Основным в этой теории является положение о том, что людям необходима положительная социальная идентичность. Она выступает продуктом социального сравнения собственной и чужих групп и реализуется в том случае, когда такое сравнение, с точки зрения индивида, — в пользу собственной группы. Лишь тогда индивид остается членом группы. Если индивид не в состоянии достичь положительной социальной идентификации с группой, он может начать самостоятельно осуществлять социальные изменения, то есть стараться хоть как-то улучшить группу (в нашем случае индивид активизирует собственную политическую эффективность для коррекции курса партии), или искать другие измерения для социального сравнения (то есть проявить социальную креативность), и даже оставить группу или дистанцироваться от нее.

Участились случаи, когда личность не идентифицируется ни с одной политической группой. Состояние неопределенности может длиться достаточно долго. По этому поводу Е.Злобина и В.Тихонович замечают, что на переходном этапе формируются отдельные личностные позиции, которые еще нельзя назвать новыми идентичностями. Тем не менее, от предыдущих их отличает следующее:

- 1) “откровенное” непонимание происходящего, обусловленное замедленным формированием потребности в политической информации, неопределенностью политических интересов, “запущенностью” политического сознания. Это состояние сознания мешает не только изменению политической идентичности, но и формированию начальных идентитетов;
- 2) понимание на уровне здравого смысла основных тенденций политического процесса, в частности осознание того, что происходит противоречивый и мучительный переход от тоталитарной изоляционистской системы к общецивилизационной, демократической. Слабость этой позиции — в излишней торопливости, желании немедленных результатов демократических преобразований;
- 3) наряду с пониманием основного направления изменений имеет место субъективное отрицание их, предубежденность и даже враждебность. Тем не менее эта позиция может измениться в случае улучшения материального положения индивида;
- 4) личность концентрируется на сугубо индивидуальных, личных интересах, стремясь взять от сложившихся обстоятельств как можно больше, не ожидая последствий противостояния политических сил. Эта прагматическая позиция очень продуктивна, однако рано или поздно таким людям все же придется политически идентифицироваться;

- 5) наиболее оптимальной, с точки зрения авторов, является позиция людей, сориентированных на толерантность, уважение к каждой личности, моральную чистоту в человеческих отношениях, хотя в условиях тотального кризиса общества этой категории людей весьма непросто отыскать собственную политическую идентичность, ибо, отбрасывая прежние идентитеты, они не всегда адекватно воспринимают современную ситуацию.

Завершить свое выступление хочу строками из романа “Без почвы” украинского писателя В.Домонтовича: “Время уплотнилось... Над всем господствует эпоха. Функция человека сегодня одна, завтра — другая. В изменении времен теряется весомость устойчивости личности.

Никто из нас не имеет собственной биографии, ибо его биография принадлежит отрезкам эпох, круто отличающимся друг от друга. Заполняя анкету, мы осознаем это с ощутимой ясностью. Изменение эпох воспринято как личное переживание. Оно осознано на примере собственной судьбы. Трагедия последних поколений заключается в том, что они живут отрывками разных эпох, хотя принадлежат новой, иной, которой еще не представляют себе”.

Эти слова удивительно актуальны на рубеже XX и XXI столетий.

Вопрос. Как Вы считаете, является ли современная аполитичность населения, фиксируемая в социологических исследованиях, размытостью политических идентитетов?

Ответ. Нет, я так не считаю. Аполитичность лишь декларируется индивидами, а политическая идентичность присуща личности в течение всей жизни.

Формирование образов адекватной деятельности в глобальных адаптивных ситуациях

Наталья Ходоровская, социолог отдела социальных экспертиз
Института социологии НАН Украины

Ситуацию можно определить как адаптивную, если имеющиеся изменения побуждают индивида к осознанию и пересмотру устоявшихся представлений об окружении и себе, а также к переформированию отработанного поведения и деятельности. Адаптивную ситуацию, в которой сдвиги происходят на мегасоциальном уровне, определим как глобальную. К таким ситуациям относятся, например, современный экономический кризис или Чернобыльская катастрофа.

Привыкание к сдвигам начинается с осознания их характера, определения степени риска, формирования образа существующей ситуации, сравнения ее обстоятельности с предшествующим опытом. Происходит пересмотр представлений, то есть изменение картины мира. Масштаб и характер изменений в социуме при наличии адекватного восприятия соизмерим с масштабом и характером изменений в картине мира человека.

Картина мира определяется как целостная, многогранная система представлений человека о мире, самом себе и человеческой деятельности. Картину мира человека как целостное пространство можно разделить на два больших подпространства — “Я” и “Окружающий мир” с несколькими основными сферами. Картина мира охватывает, в частности, представления о *Я-телесном* и *Я-социальном*, *Я-духовном* и *Я-материальном*, о таких сферах, как *Окружающая среда*, *Деятельность*, *Другие* и т.п.

Картина мира человека — это гибкое образование, формирующееся в онтогенезе и реструктурирующееся вследствие обретения нового опыта. Подпространство “Окружающий мир” более подвижно и менее защищено психологически, чем подпространство “Я”. Ситуации, заставляющие изменить Я-представления, нередко воспринимаются человеком как стрессовые и вызывают защитные психологические реакции.

Рассмотрим связь между сферами *Окружающая среда*, *Деятельность* и *Другие*. Условное распределение жизненного мира человека на “актуальное”, “реальное” и “потенциальное” подпространства предложено Е.Злобиной. В контексте нашей темы считаем целесообразным предложить несколько иное разделение. Образы, которые относятся к этим сферам, разделим на “близкие”, “знакомые” и “вероятные”. Эта градация довольно гибкая, поэтому образы “знакомых” *Других*, *Окружающей среды* или *Деятельности*, актуализируясь с течением событий, могут принимать значение “близких”, и наоборот.

“Близкой” деятельностью для индивида прежде всего является собственная деятельность (составная сферы *Я-социальное*), деятельность представителей ближайшего окружения, а также референтных и лично значимых групп. Образы ее носителей, принадлежащие к “близкой” составляющей сферы *Другие*, воплощают положительные, отрицательные, успешные и т.д. проявления разновидностей человеческой деятельности. Представления о *Других* и *Деятельности* взаимообусловлены, они тесно переплетены в картине мира человека. Образ определенного вида деятельности в сознании не существует без образов-носителей, воплощающих различные способы и виды ее реализации, а представления о личности непосредственно связаны с представлениями о ее поведении и деятельности. Образы *Других* связаны также с представлениями об организации жизненного пространства человека и вписываются в еще одну сферу — *Окружающую среду*.

“Близкая” составляющая сферы *Окружающая среда* содержит образы окружающей природной среды и техносферы, относящиеся к местности, где проживает человек. Прослеживается прочная связь между природными условиями (климатом, конкретным ландшафтом, флорой) и формой организации человеческого проживания (формой жилья, видом поселения, домохозяйства), то есть техносферой. Образы сфер *Окружающая среда* и *Деятельность* соотносятся как *соответствующие* или *несоответствующие* друг другу. К примеру, в традиционной культуре образ степи *соответствует* кочевой организации жизнедеятельности и животноводству, тогда как образ лесной среды *не соответствует* им. Этот “симбиоз” природы и социальной организации подчеркивали еще Ш.Монтескье, Р.Парк, А.Радклифф-Браун, Б.Малиновский и другие. Современные исследователи отмечают наличие сложной “экологичности” в традициях народов. Такая “экологичность” является составной частью сознания общности, воплощением *соответствия* видов ее деятельности особенностям окружающей среды (природы и техносферы). Поэтому образы сферы *Деятельность* опосредуются не только образами сферы *Другие* (являющимися непосредственными носителями разных форм деятельности и поведения), но и подкрепляются символами и мифологемами этнических традиций, интериоризированными в детстве и встроенными в то подпространство картины мира, которое касается “Я” — *материального, социального и духовного*.

В результате осознания адаптивной ситуации и определения степени риска происходит переоценка выработанных личностью форм поведения и деятельности. Самооценка *Я-социального* как *не соответствующего* новым условиям побуждает к поиску образов адекватной (*соответствующей*) деятельности. Активизируется пересмотр видов деятельности, прежде всего в плоскости “близкой” *Деятельности*, а затем — в “знакомой” и “вероятной” плоскостях. Отнесение вида деятельности к разряду *несоответствующей* сопровождается оценкой субъекта-носителя этой деятельности как обреченного на неуспех в новых, изменившихся условиях. Когда

образ субъекта-носителя адекватного вида деятельности определен, он перемещается в плоскость “близких” *Других*, детализируется, наполняется конкретным смыслом. Если среди *Других* отсутствуют субъекты-носители адекватного поведения и деятельности, для индивида актуализируются процессы восприятия новых, незнакомых людей, новых социальных ролей, приобретает вес новое окружение, а также образы, заимствованные из информационного пространства, а то и выдуманные. Заметим, что эти процессы не всегда осознанны; описанная “игра образов” совершается естественно, поэтому нужный образ может возникать как бы сам собой, будто в калейдоскопе.

Дальнейшее формирование образа адекватной деятельности происходит благодаря сопоставлению его с собственными отработанными, знакомыми и потенциальными деятельностными паттернами, а также посредством попыток реального воспроизведения образов-носителей ее адекватных видов. Апробация новых, неотработанных поведенческих и деятельностных паттернов требует микросреды с атмосферой игры. Игровые ситуации помогают личности попытаться изменить обычное поведение.

Процессы осознания изменений ситуации, оценки риска, пересмотра видов деятельности, определение образов, олицетворяющих ее адекватные виды, в основном происходят при активном общении человека в определенных социальных группах его микросреды. Референтные представители этих групп существенно влияют на оценку, опосредуя для индивида социальный опыт. В глобальной адаптивной ситуации личность крайне нуждается в групповой поддержке, поэтому положительные эмоциональные взаимоотношения в группах способствуют постижению изменений: пониманию ситуации, реструктуризации картины мира и пр., создавая у адаптанта ощущение собственной референтности. Личность получает возможность опираться на *Я-духовное* в случае неизбежности изменений *Я-социального*. Групповая поддержка значительно облегчает первые попытки адаптивного поведения и деятельности, а негативная оценка группы может замедлить и даже сделать невозможной реализацию новых видов деятельности.

Группы, неспособные содействовать адаптивной деятельности личности, создают дополнительные стрессовые условия, поэтому адаптант вынужден искать другую среду. И наоборот, групповая поддержка адаптанта способствует образованию и реализации новой, адаптивной групповой деятельности. Постепенно формируется новая, адекватная ситуации микросреда. Образы носителей адаптивного поведения и деятельности закрепляются благодаря непосредственному общению и со временем занимают достойное место в общественном сознании, становясь образцами.

Вопрос. Считаете ли Вы поиск адекватных видов деятельности рациональным процессом?

Ответ. По моему мнению, существует рациональная оценочная составляющая в отношении к видам деятельности; оценки *соответствия/несоответствия* имеют и рациональную, и эмоциональную составляющие. Однако процесс поиска облечен в форму игры образов.